Бытие Бездельника

Рябинкин Д.С.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Многие задаются вопросом: ради чего они живут? Хотят найти своё место в жизни. Главный герой книги тоже размышляет над этим, но не принимает никаких действий, чтобы хоть как-то сдвинуться в сторону своего счастья. Пока не встречает человека, который не стесняется говорить и делать то, что у него на душе. Человека, который ищет себя настоящего. Пойдёт ли герой за своим новым другом в мире, заполненном ненужными вещами, бесполезными занятиями и бессмысленной работой?

- Бытие бездельника
  - ○
  - ○

Бытие бездельника
Д. С. Рябинкин

© Д. С. Рябинкин, 2016
© Ксения Рябинкина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конец света не наступил, не явились ни мессия, ни антихрист, к нам не прилетели инопланетяне. Людям ничего не осталось, кроме как еще глубже провалиться в глубокую и непроглядную дыру своего непонятного будущего. Куда все — туда и я. С каждым годом падение становилось только быстрее, отчего вглядываться в темноту, стоявшую передо мной, было еще труднее. Что-то менялось, что-то оставалось прежним. А мы просто жили. Жили, как раньше

Был пасмурный летний вечер. Я стоял на траве и глядел на большое старое дерево. Его огромные ветви с множеством листьев величаво покачивались на ветру. Они напоминали бороду старика, который запустил в нее руку и перебирал ее пальцами, думая о чем-то. По обе стороны от него виднелось еще множество подобных деревьев. Растения поглощали весь свет, падавший с неба, и под ними уже наступили их собственные сумерки.

Рядом с деревом стоял человек, он смотрел на меня и улыбался. Лохматая голова, поношенная, очень простая выцветшая одежда, на вид лет двадцать пять — тридцать. Лицо разглядеть хорошо я не мог, так как он стоял в тени дерева. Я чувствовал, что давно знаю его, только никак не мог вспомнить ни его имени, ни кто он такой. Я вообще ничего не помнил.

Слева от меня метрах в десяти стоял бревенчатый дом. Я видел такие дома в деревне, когда был маленьким. Такие строили, наверно, лет сто назад. Деревянные ставни на окнах, резные наличники. Но этот отличался: он был новый. Неокрашенное дерево еще не успело потемнеть. Сейчас такие уже не делают, подумал я.

Я стоял, смотрел на все это, но несмотря на то, что ничего не помнил и не понимал, где нахожусь, меня окутывало чувство покоя и уюта. Все передо мной казалось каким-то родным, близким. Будто говорило: успокойся, ты дома, здесь с тобой все будет хорошо. Мне было хорошо. Хотелось просто стоять и чувствовать ветер, который раскачивает ветви деревьев предо мной.

Но вдруг я услышал музыку. Музыка тоже была очень

знакомой. Только в происходящее вокруг она никак не вписывалась. Здесь она была чужой. Тут что-то потянуло меня назад, этот край стал ускользать от меня. Отдалился и исчез. Я проснулся. Все исчезло, осталась только музыка, которую назойливо заливал мне в уши мой телефон.

— Доброе утро, соня! — раздался из телефона голос Киры.

— Доброе утро.

— Я, конечно, понимаю, что теперь у тебя много свободного времени, но это вовсе не значит, что надо спать до одиннадцати часов! И чем ты только занимаешься до трех ночи?

— Интернет безграничен, знаешь… — сказал я, зевая.

— Ах да, глупый вопрос. Что планируешь на сегодня?

— Пока не решил. Думаю, увижусь с друзьями, пока время есть. Вову выписали. До этого надо прибраться в квартире.

— Вова уже дома? — в ее голосе было сильно удивление.

— Ну да, вчера вернулся. Сегодня будем смотреть его новую руку.

— Блин, я бы тоже посмотрела. Быстро ему ее приделали. Интересно, она нормальная будет или такая же глючная, как первые партии?

— Надеюсь, что лучше. Я его сфотографирую и тебе фото пришлю.

— Ок. Представляешь, у нас на работе опять неприятности.

— Что на этот раз?

— Ничего нового, опять вся система зависла, сейчас ее восстанавливают. Думаю, сегодня опять задержаться придется, ведь мы ближайшие часа два будем бездельничать, а объем работы надо выполнить. В компании говорят, что нас снова взломали. Как меня уже достали эти придурки! Они, значит, самоутверждаются таким образом, а мы из-за них работаем сверхурочно! — несмотря на то, что новость была далеко не радостная, она оставалась в приподнятом настроении. — Зато мы с девчонками сейчас пойдем в кафешку пить кофе и есть пирожные.

— Я бы тоже не отказался сейчас от кофе с чем-нибудь сладким. А хакеры… Может, они и не самоутверждаются.

— А что же тогда они делают?

— Может, это все кому-то нужно в других целях? Не знаю… Может, вы конкурируете с кем-то или они против того, чем занимается ваша организация?

— Думаешь, это кибер-гринпис какой-нибудь?

— А почему бы и нет? Сейчас есть движения, выступающие против того, чем вы занимаетесь.

— Ну, не знаю. Я думаю, это просто какие-то придурки, которым нечем заняться. По-моему, любой нормальный человек должен понимать, что корпорация, которая разрабатывает и продвигает искусственные органы, может нести только хорошее людям.

— Пока вы делаете только сердца.

— Но еще столько всего находится в разработке, ты же знаешь! Через несколько лет будут не только они. Столько народа трудится над всем этим.

— С тем, какие ресурсы в вас вкладывают, это не удивительно. Могли бы либо еще людей нанять, либо поднять зарплату.

— Это точно. Но все равно эти хакеры сволочи! Нельзя так препятствовать тому, что может спасти столько жизней.

— И выкачать из людей уйму денег…

— Что?

— Я говорю, неизвестно, во что все это выльется. Все эти имплантации. И во что превратится человек лет так через сто.

— Об этом пока еще рано думать. Ладно, я побежала, меня девчонки зовут, заждались уже.

— Вечером увидимся?

— Пока не знаю, много работы, возможно, задержусь. Давай вечером созвонимся, я тебе скажу, ладно?

— Ладно.

— Люблю тебя, пока! — весело сказала она и быстро повесила трубку, даже не дав мне ответить.

Я сел на кровать, застегнул телефон браслетом вокруг запястья левой руки. На гибком дисплее отобразилось время и появилось сообщение: «Свежие новости, читать сейчас?». Ответ: нет. Раньше я всегда читал их по дороге на работу, но сейчас у меня выдалось несколько свободных деньков, и я не хочу, чтобы они были похожи на мои серые будни. После этого следуют вопросы, хочу ли я прочитать письма, пришедшие на почту, сообщение о том, что сегодня какой-то праздник, название которого я даже читать не стал. Потратив еще минуту, чтобы ответить на все оставшиеся сообщения, я встал с кровати и пошел в душ. Я открыл дверь, включился свет. Телефон пришлось снять. Это в очередной раз напомнило, что пора взять модель поновее, водостойкую, чтобы не снимать его каждый раз, когда идешь мыть руки. Счетчик рядом с краном, вмонтированный в кафель, красными цифрами показывал количество воды, израсходованное за месяц. Меньше, чем в прошлом. Это хорошо, особенно с учетом того, что тарифы на воду опять выросли.

Выйдя из душа, я направился на кухню. Включил телевизор.

Выбрал семьдесят третий канал, там всегда показывают что-нибудь познавательное. Открыл холодильник и стал искать себе завтрак. Наиболее подходящей кандидатурой мне показались яйца, так как выбирать особо было не из чего. Я нажал на телефоне кнопку «заметки» и продиктовал: «Сходить в магазин за продуктами». Произнесенное обработалось, и текст высветился на дисплее. Напомнить в 17 часов.

Я решил сделать яичницу. Достал сковороду, капнул на нее немного масла, разбил в нее яйца. Бросил в тостер кусок хлеба и включил его. Я глядел на то, как белок начинает медленно белеть, и думал, забавно, если бы человеку, который назвал желток желтком, показать современную бледную субстанцию, им именуемую, как он его назвал бы? Наверно, новое название звучало бы иначе.

Пока я думал об этом, тостер выплюнул обжаренный хлеб. Я подошел, выложил его на тарелку, включил стоящую радом кофемашину, поставил под нее чистый стакан. Пока я выкладывал яичницу на тарелку, кофемашина закончила готовить мне кофе. Я очень любил эту машину. Раньше я любил готовить кофе в турке, но темп, который задавала жизнь, не позволял подобной роскоши. Надо сказать, свое дело машина знала — она не только делала кофе быстрее в разы, но и вкуснее меня. В общем, я влюбился в нее с первой чашки. Я уселся поглощать свой завтрак, параллельно поглощая информацию, которую изливал мне телевизор. Шла передача о различных научных новинках, которые предлагали разные ученые. Кто-то из них предлагал новые способы выращивания овощей, кто-то — новые способы доставки человека на Луну и на Марс. А мне в тот момент хотелось, чтобы ученые сделали робота, который заправит мне постель, приготовит завтрак, а потом сложит грязную посуду в посудомоечную машину и запустит ее, после чего уберет все на свои места. Да, и пыль бы ему тоже не помешало протирать. Но за неимением такого чуда техники пришлось самому все загрузить в посудомойку.

Пришло время окунуться в мир информации. Я сел за компьютер и, допивая кофе, полез проверять, что нового случилось в мире, у друзей, да и просто узнать что-нибудь. В принципе, ничего за последние дни не изменилось. Очередные атаки хакеров на сервера крупных компаний, рекламные акции, гласящие: «Думай о природе — едь на водороде», очередные военные конфликты, где-то разбился беспилотный самолет.

Снова зазвонил телефон. На дисплее высветилось: «Макс». Я взял трубку.

— Здорово!

— Привет, Макс, — ответил я, продолжая читать.

— Ну что, идем сегодня прогуляться? Я с работы уйду пораньше, так что можно часа в три.

— О'кей, в три даже лучше. Встретимся у входа в парк. Руку Вовы заценим.

— Ага, мне не терпится посмотреть на этого полукиборга. Кстати, ты пока в отпуске. Чем заниматься будешь?

— Ничем особенным: кино смотреть, в игрушки играть. На днях устрою генеральную уборку. Буду заниматься тем, до чего раньше руки не доходили.

— Завидую я тебе. У меня времени вообще нет, я бы тоже поиграл с тобой сейчас, — вздохнул Макс.

— Тоже возьми отпуск. Ты в этом году, кажется, не отдыхал еще.

— Сам знаешь, работы много, надо бабки зарабатывать. Я на пенсии отдохну.

— Если к тому времени заменишь себе пол-организма новенькими железками, а то когда ты на нее выйдешь, от тебя уже ничего не останется. Так что начинай копить.

— Ты как всегда оптимистичен.

— Скорее реалистичен и делаю адекватные прогнозы на будущее.

— Ну, что ж, пророк, лет через тридцать проверим, прав ты был или нет.

— Через сорок. Через тридцать ты еще не будешь на пенсии.

— Блин, ну тебя, — выругался Макс. — Пойду работать, а то ты тоску нагоняешь. Не забудь, в три часа у входа в парк.

— О'кей, счастливо.

Макс повесил трубку. А я уселся играть.

После Макс позвонил и сообщил, что в указанное время все-таки не сможет прийти. Мы договорились на начало шестого. Время пролетело незаметно, и я засобирался в парк. Идти было недалеко, я решил пройтись пешком.

На улице было лето, светило солнце, но воздух был прохладным. Дул легкий ветер. В сочетании с обрушившейся на меня свободой все это казалось особенно прекрасным.

К парку я пришел первым. Пока ждал друзей, смотрел на стоящий рядом магазинчик, торгующий сладостями для детей. Огромное количество разных конфет самых различных форм и цветов. На каждой обертка с длиннющим описанием состава. Мне всегда казалось странным, как можно сделать конфету со вкусом апельсина, не добавляя в нее самого апельсина. Со вкусом хрен-поймешь-чего дела обстоят проще — такие мысли уже не посещают.

Вскоре подошел Макс. Худой и высокий, как всегда с портфелем, в котором он носил какие-то документы по работе и свой планшет. Одет строго: черный костюм, белая рубашка. Правда, галстук он снял. Вид у него был уставший, но на лице виднелась улыбка. Мы давно не виделись вживую.

Я протянул ему руку, и он крепко пожал ее.

— Здорово, дружище! — радостно сказал он.

— Привет, рад наконец-то тебя увидеть.

— Да, месяца два уже не виделись.

— Примерно так. В прошлый раз на улице еще снег лежал.

— Да, но сегодня погода определенно лучше. Как у тебя дела? Чего нового? Как работа?

— Нормально все. Отдыхаю теперь. Работа… Как обычно все. Лучше о себе расскажи.

— О, у меня все супер! На работе заказов много, бабки идут! Мы с Юлей скоро ипотеку закроем! — говорил Макс с явной радостью в голосе и активно размахивая свободной от портфеля рукой.

— Поздравляю, хорошо, что избавитесь от этой кабалы.

— Ага, вот меня повысят, мы возьмем другую хату. Тоже в кредит. Только ближе к центру и побольше!

— Вы же еще в этой не обжились толком. Помню, вы люстру на кухню только полгода назад повесили.

— И что? Пожили и хватит. Мы ж новую брать не завтра будем, а через годик! Как раз наживемся!

— Аааа. Это все меняет, — ответил я, вспоминая, что наш прошлый с ним спор о жизненных ценностях закончился руганью.

— Привет, неандертальцы! — раздался слева веселый голос Вовы.

Вова был одет в ярко-синие джинсы, белые кроссовки странной формы и яркую зеленую джинсовую куртку с множеством карманов. Особенно выделялись на ней блестящие черные погоны, сделанные из маленьких солнечных батарей. Через них он подзаряжал свои гаджеты. На нем были также очки, которые, скорее всего, являлись очередным модным устройством с массой наворотов. Сын богатых родителей, помешанный на технических новинках, он всегда ходил с кучей новеньких гаджетов в карманах и рюкзаке. Если какую-то вещь можно было заменить или дополнить современным высокотехнологичным аналогом, то этот аналог сразу появлялся у Вовы. Наверное, когда где-нибудь изобретут робота, который будет следить за расходом туалетной бумаги и приносить новую, то он точно появится в доме этого человека.

Левую руку Вова держал за спиной, а правой пожал наши.

— Ну что, готовы?

— Конечно! Только за этим и пришли, — сказал я.

— Показывай уже! — сказал Макс, переминаясь с ноги на ногу.

Вова медленно стал доставать из-за спины левую руку, смотря на нас прищуренными глазами. И мы увидели его новую кисть. Черная рука была закрыта рукавом выше запястья. Размером она не отличалась от правой, но пальцы были более тонкими, расширяясь в суставах. Вова пошевелил ими, раздался едва различимый на фоне уличного гула шум от работы механических суставов. Выглядело это немного жутко. Как-то не по-человечески, чужеродно. Рука быстро повернулась, и мы увидели искусственную ладонь. На ней и на пальцах были вставки серого цвета из резины или силикона.

— Это чтоб предметы лучше держались и не выскальзывали, — сказал Вова.

— И чтоб по клавиатуре громко не стучали, — добавил я.

— Поверь, с этой штукой мне вскоре не потребуется клавиатура! Блин, тут столько рассказывать, пойдемте кофе что ли выпьем, а то стоим тут.

Недалеко было открытое кафе. Несколько плетеных столиков стояли на улице у входа. Мы единогласно выбрали это кафе местом нашего дальнейшего общения. На столике был установлен небольшой электронный планшет, на котором можно было посмотреть меню и сделать заказ.

— По пивку? — спросил Вова.

— Мне вечером жену надо отвезти в одно место. Я пас, — ответил Макс.

— Ну, как всегда. А ты? — обратился Вова ко мне.

— Знаешь, что-то не хочется сегодня. Я лучше кофе.

— Блин, а кто со мной за обновку тогда выпьет?!

— Думаю, в честь такого события надо закатить праздник покрупнее, а не праздновать пивом втроем. Давайте на следующей неделе соберемся в выходные, остальных позовем! — сказал Макс, явно воодушевленный своей идеей. Хотя, зная его, он опять не сможет — будут дела или опять будет шляться с женой по магазинам.

— В принципе, можно. В эти выходные я с ребятами с прошлой работы обмою. С семьей уже отпраздновал. Одни пьянки с этой рукой!

— Твоя рука, как елка. И много-много радости детишкам принесла… — попытался пошутить я.

— Это ты о чем? — недоумевающе спросил Вова.

— Песенка была такая детская. Ну, там… в лесу родилась

елочка… Не помните?

— Не знаю такую.

— Я тоже не слышал, — сказал Макс.

— Ладно, проехали. Что ты там говорил про то, что тебе больше не придется печатать на клавиатуре?

— Точняк! — засуетился Вова. — Короче, эта штука просто вершина научного прогресса! Ее можно синхронизировать с телефоном, очками, да вообще с любой более-менее современной техникой. Допустим, скоро выйдет приложение, благодаря которому можно будет набирать текст и использовать всю свою систему, просто шевеля пальцами.

— А как иначе? — сказал я.

— Ты не понял. Не надо даже касаться ничего. Допустим, поступил тебе вызов, на очки вышло отображение, что тебе звонит кто-то. А ты не трогаешь телефон. Короче, ты просто шевельнул большим пальцем — вызов принял.

— А остальное как делать? — удивился Макс.

— Разные функции будут зависеть от того, каким пальцем ты шевельнешь, как далеко у тебя палец шевельнулся и все такое. Понимаешь?

— То есть, если ты дернешь указательным вверх — почту проверишь, вправо — сообщение напишешь, а влево — камеру включишь? — предположил я.

— Да! Прикинь, сколько лишних телодвижений убирается!

— Блин, мне бы такая функция на работе пригодилась, — сказал Макс. — Вечно завал, а когда звонят, отрываться приходится.

— Так отрежь себе руку тоже, — предложил я.

Макс засмеялся.

— Я лучше дождусь какой-нибудь подобной перчатки.

Принесли наш с Максом кофе и пиво для Вовы. Кофе был не слишком горячим и меня это не слишком радовало. Макс — наоборот, сделал глоток и сказал:

— Вкуснотища! Надо купить домой кофемашину.

— Я говорил, что рукой можно управлять домашней техникой на расстоянии? — опять начал Вова.

— Говорил. Скажи лучше, ты что-нибудь ей вообще чувствуешь? Кода касаешься там чего-нибудь. Да и вообще, как ты ее чувствуешь.

— Знаешь, саму по себе я ее не чувствую. Чувствую, когда двигать ей начинаю. Например, сжимаю что-нибудь. Чувствую давление. В ней нет нервных окончаний, и информацию в мозг могут отправлять только суставы, когда работают.

— Ты к этому привык уже? — спросил Макс.

— Честно? Пока не очень. Если я просто сижу и ей не шевелю, я понимаю, что у меня нет руки. Ну, настоящей руки. Я поэтому регулярно шевелю пальцами, чтобы что-то почувствовать, там. Прошу прощения, — у Вовы зазвонил телефон, и он, ткнув пальцем в засветившийся дисплей на запястье, принялся с кем-то болтать.

— Блин, даже не верится, что сейчас уже такое делают. Думаю, скоро все сможем так проапгрейдиться. Прикинь, сможем быть лучше, работать эффективней! — воодушевлялся Макс.

— Ты готов отрезать свои руки и заменить их искусственными? — спросил я.

— Знаешь, все имеет свою цену. Да и если бы новые руки чувствовали, как старые, я бы задумался.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Я считаю, что во всем надо к лучшему стремиться. Сейчас мне этого никто не предлагает, но если бы в будущем появилась подобная возможность, я бы всерьез задумался.

— Макс, ты со своей работой скоро забудешь о том, что такое быть человеком. Ты не думал, что при таком развитии техники твоему работодателю будет проще не тебе руки новые пришить, а вместо тебя робота купить?

— Ты преувеличиваешь! Нет еще никаких роботов, да и человека ничто не заменит.

— Роботов нет, а их руки уже здесь.

— Хорош спорить! — Вова вернулся к нам. — Я говорил, что у меня будут брать интервью?

— Не. А кто? — поинтересовался Макс, сделав глоток кофе. Сделал он это небрежно, и несколько капель упало на стол.

Его любознательности я мог только позавидовать. Он быстро переключился с нашей с ним легкой перепалки на новую интересную для него тему, облокотился на стол и снова слушал рассказы Вовы. Они стали болтать об интервью и еще о чем-то, а я сидел и смотрел на поблескивающую в солнечных лучах черную руку. Создавалось странное ощущение, что кто-то принес с собой часть манекена или какой-то нелепый сувенир из магазина подарков. Она была чужой. Ее выдавало и то, что, несмотря на активную жестикуляцию Вовы оставшейся рукой, эта не двигалась, а когда во время своих эмоциональных речей ее хозяин все же был слишком подвижен и тянул ее в сторону, она мертвым грузом влачилась за ним по столу и издавала легкий скребущий звук. Но Вова не замечал этого.

Я еще какое-то время глазел на этот шедевр инженерной мысли. Потом мы болтали, а точнее, слушали о работе Макса. Одна из причин, почему я не слишком много общаюсь с ним. Он

даже не догадывается, насколько мне все равно. Раз уж на то пошло, то меня вообще мало что интересовало из общения с моими приятелями. Интересовало меня чудо техники, которое теперь вынуждено везде таскаться со своим безалаберным хозяином, а все остальное просто прилагалось. Странно все получается: я зачем-то встречаюсь с людьми, общение с которыми надоедает всего через двадцать минут. Наверно, боюсь одиночества. Или просто скучно.

Вскоре Макс сказал, что должен ехать за женой. Вова тоже засуетился, сказав, что должен еще с кем-то встретиться. Мы попрощались и разошлись.

У меня оставалась еще масса свободного времени. Сначала я зашел в пару магазинов неподалеку — давно хотел приобрести новые кроссовки. Однако, перемерив несколько пар, не смог подобрать ничего подходящего. Я решил пройтись до дома пешком. Хотя домой не хотелось, я не мог придумать, куда еще пойти. Я медленно плелся в направлении дома, выбрав маршрут подлиннее через спальный район, чтобы не слушать шум дороги. Я шел и тонул в своих мыслях. Не самых радостных мыслях. У меня впереди было еще много свободных дней, а я совершенно не знал, чем занять себя. Это угнетало.

Из всей этой вязкой трясины унылых размышлений меня вытянуло одно резкое чувство. Крайне простое и узнаваемое, заглушившее все эти никчемные мысли. Голод.

Не долго думая, я решил направиться в кафе, недалеко от того места, где я находился. Хотя, кафе это трудно было назвать. Скорее бар. Там всегда был хороший выбор пива и горячих закусок. Еще мне это место нравилось тем, что было сравнительно спокойным, даже несмотря на то, что собирались там в основном мужчины и все выпивали.

Шел я туда минут пять или семь. За это время голод только усилился. Я отворил дверь и почувствовал легкий аромат пива и чего-то жареного. Пока я шел к стойке бармена, чтобы сделать заказ, я заметил, что семь из девяти столиков уже заняты. «Отлично, мне места хватит», — пронеслось в голове. Голод пробудил во мне и жадность, так что я заказал большую тарелку куриных наггетсов и литр пива. Усевшись за один из свободных столов, я сделал несколько больших глотков холодного пива и почувствовал расходящееся по телу тепло. По телевизору на стене шла какая-то передача. Я не смог понять, о чем она, потому что мне лень было вникать в происходящее на экране. Я принялся за еду и стал рассматривать окружающих людей. Я часто так делаю, ведь если нечего делать, гораздо интереснее разглядывать человека, чем стол или стену. В отличие от пустых

предметов, глядя на человека, его можно читать, как книгу. Не факт, что правильно, но для чего же еще нужна фантазия?

Столы стояли вдоль стен. Большинство из них были рассчитаны на двух-трех человек, но были и два больших, за которые могло усесться человек шесть или семь. За одним из них сидела компания из четырех студентов: два парня и две девушки. Они громко болтали о какой-то студенческой вечеринке и смеялись. На столе стояли наполовину пустые кружки с пивом и две тарелки чипсов. Одетые в яркую одежду, они содержали на себе все цвета радуги и некоторые особо ядовитые оттенки зеленого и оранжевого цветов. Особенно в глаза бросались кроссовки парня и девушки, сидевших в обнимку. Светодиоды на подошвах кроссовок девушки и подсвеченные эмблемы на щиколотках были ярко видны в тени под столом. У парня же сама обувь регулярно меняла изображение на себе. Сначала на них был изображен тигр, потом он растворился, и появился какой-то абстрактный рисунок. Я подумал, что, несмотря на всю вычурность их одежды, она является, пожалуй, самой безопасной для прогулок в темное время суток: любой автомобилист заметит такого яркого пешехода, если он при всем этом местами еще светится.

Парень, обнявший девушку, вытянул руку с телефоном и сделал несколько снимков себя и своей подруги. Очередное ненужное фото. Я подумал, что если когда-то у них будут дети, они вряд ли увидят девяносто девять процентов тех многочисленных фотографий своих родителей. Потому что их будет бескрайнее множество и кому-то просто лень будет разглядывать те из них, которые сохранились.

Парочка выглядела более активной, чем их друзья, сидевшие напротив. Наверно, они недавно вместе и чувства переполняют их. Влюбленные постоянно тискались и перешептывались. Их друзья на вид не были так близки и, несмотря на улыбки на их лицах, чувствовали себя слегка неловко.

Глядя на студентов, я стал представлять себе их студенческие будни, чем они живут, как проводят свое время, чем увлекаются. Между нами не такая уж и большая разница в возрасте, но между нашими поколениями она значительная.

Я откусил половину очередного наггетса и стал рассматривать остальных посетителей.

За соседним столиком со студентами сидели двое модно одетых парней. На обоих были дорогие ботинки, брюки и рубашки. Вообще, они были похожи, различались только некоторыми чертами гардероба. Например, на одном была жилетка, а на другом шарф. Непонятно, зачем нужный в такую

погоду. Оба были похожи на манекенов с витрин торгового центра. Модные и бездушные. Бездушные потому, что почти не общались, а смотрели в экраны своих телефонов. И пили кофе. В том месте, куда все приходят пить пиво. Наверно, случайно забрели. При взгляде на них моя фантазия отказывалась работать. Единственное, что я мог представить, это то, как они с такими же сосредоточенными лицами сидят дома и разглядывают модные журналы, прикидывая, какое барахло нужно будет купить, чтобы быть модными в новом сезоне.

Я доел наггетс, сделал два глотка пива и принялся за следующий. Дверь открылась, и вошел еще один посетитель. Парень, на вид лет тридцати. Довольно просто одет: спортивная кофта серого цвета, классические джинсы и коричневые ботинки из нубука. Он сделал несколько шагов, остановился и осмотрелся. На лице его было заметно легкое раздражение. Но, увидев свободный столик, он направился к барной стойке, и негатив на его лице почти сошел на нет. «Наверно, кто-то слегка устал от этого мира сегодня», — подумал я про себя. Дверь в бар снова отворилась, и вошла еще одна парочка. Парень с девушкой, оба лет двадцати пяти. Он в белой футболке и джинсах, а она в довольно легком платье и джинсовой куртке, которая была велика ей на несколько размеров. Очевидно, это была его куртка. Они, весело переговариваясь, подошли к барной стойке смотреть меню. Они перекинулись парой слов, и девушка пошла и весело плюхнулась за единственный свободный столик. На лицо парня, вошедшего до них и в этот момент берущего в руки кружку заказанного пива, вернулось прежнее выражение. Только брови на этот раз спустились еще ниже. Меня эта ситуация слегка рассмешила, я улыбнулся, но, чтобы никто не заметил, взял в руку кружку и стал пить пиво.

Тем временем депрессивный посетитель бара повернулся к барной стойке спиной и, держа в одной руке кружку пива, а в другой тарелку с чипсами, снова начал оглядывать помещение строгим взглядом.

Наши взгляды встретились. Он, видимо, решив, что это знак, решительно двинулся к моему столику. А я в этот момент пытался понять, буду я рад компании или же нет. С одной стороны, я должен быть рад компании, ведь в любом случае оставшийся вечер предстояло провести дома в одиночку. С другой, я не знал этого человека, а находить язык с новыми людьми мне всегда тяжело. За те пару мгновений, что он шел ко мне, я сделал вывод, что мне все равно.

— Везде занято, я присяду? — спросил он, подойдя.

— Конечно.

Он поставил на стол кружку и тарелку, затем устало плюхнулся на стул. Выглядело это так, будто он сутки напролет трудился не покладая рук и наконец-то получил долгожданный отдых.

— Любовнички хреновы, — сказал он, поглядывая на парочку, занявшую столик, за который он собирался сесть.

— Может, нет, — сказал я и сделал еще глоток пива.

— Что нет? — он обернулся ко мне и уставился на меня, сохранив прежнюю гримасу недовольства.

— Может, еще не любовнички, — спокойно ответил я.

— Ага! Ща! Сейчас люди начинают спать вместе раньше, чем за руки берутся!

Я посмотрел на влюбленных. У меня они не вызывали раздражения, как у моего собеседника, а, напротив, казались довольно милой парой. Но я не стал комментировать это. Спорить не хотелось. Поэтому я вновь принялся за еду. Мой сосед последовал моему примеру.

Раздался громкий звук, и заиграла какая-то музыка — по телевизору началась реклама. Парня напротив меня такой внезапно появившийся рекламный блок, похоже, напугал. Он слегка дернулся. А его брови опустились еще ниже. Он медленно повернул голову в сторону телевизора.

— Знаешь, что самое ужасное в рекламе? — сказал он, повернувшись ко мне.

— Даже не знаю, что выбрать, — усмехнулся я.

— Обесценивание людей.

— В каком смысле?

— Во многих, — сказал он. Он сделал еще глоток пива, поставил кружку на стол и слегка поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. — В рекламе и в кино люди слишком идеальные.

Я посмотрел на него и ничего не ответил, ожидая объяснения. К тому же изучать окружающих взглядом уже надоело. Он тем временем продолжил.

— Особенно в рекламе. Все такие красивые, молодые, хорошо одетые, фигура хорошая… Прям идеальные. Понимаешь?

— Пожалуй.

— Вот мы пялимся в экраны, а нам навязывают образы несуществующих людей. Этих людей нет на самом деле, но нам впаривают, что люди такими должны быть.

— Я бы не сказал, что впаривают…

— Оооо! Еще как! Постоянный наплыв образов слишком хороших во всем людей! И если даже у главного героя ролика геморрой или вся рожа в прыщах, к концу он будет здоровым красавцем. Все здоровые, все красивые, у всех голливудская

улыбка.

— Ну, может, это стимул к самосовершенствованию. Насмотришься на таких, и самому лучше быть захочется.

— Да ведь не получится быть во всем хорошим! Ты же не станешь стремиться к какому-то одному образу из рекламы дезодорантов или подгузников.

— Нет, конечно, — рассмеялся я.

— В итоге ты все равно не станешь лучше них. А ведь сравнить с кем-то себя захочется.

— На это есть окружающие.

— В принципе, это верно… Но! Окружающих ты тоже будешь сравнивать с этими образами. А они, как и ты, никогда не будут лучше людей из телевизора. Ты ведь сразу заметишь кривые зубы, некрасивую родинку…

Я кивнул в ответ.

— А представь, сравнивать было бы не с чем! Не было бы этих людей из ящика. Тогда, допустим, девушку, которую ты бы в обычной жизни на семерочку бы оценил, так как по ящику красоток показывают, ты бы оценил на десятку!

— В принципе, если бы я не видел девушек красивее нее, то да.

— Вооот! — радостно сказал он, будто добился своего, и откинулся на спинку стула.

— Но в реальной жизни тоже бывают красивые люди.

— Это да, но не в таких количествах, как нам ТВ показывает.

— Согласен.

— Их не настолько много, чтобы твою точку зрения поменять без помощи телевизора. И даже они начинают блекнуть благодаря ему.

Он сделал несколько больших глотков пива. Я последовал его примеру.

— Кстати, — он протянул мне руку. — Антон.

Я пожал ее и тоже представился.

— Но есть еще одна проблема во всем этом, — сказал он, наклоняясь к столу.

— И какая? — спросил я.

— Они нам впаривают моду на молодость.

Я засунул в рот последний наггетс. Беседа хорошо строилась и без моего участия. Так что я просто вопросительно посмотрел на него, пережевывая мясо.

— Обрати внимание, почти все эти идеальные люди — молодые. Людей старше сорока лет и тем более пятидесяти почти нет в рекламе.

— Встречаются иногда, — вставил я, дожевывая наггетс

и запивая его пивом.

— Конечно, встречаются. В рекламе лекарств. Рекламодатель как считает, пошли седые волосы? Тебе больше не нужны модные ботинки и современный гаджет. Теперь тебе необходима только мазь от запора и таблетки от радикулита. Ну… или наоборот.

Я опять засмеялся.

— Погано то, что старым быть не модно. Да и не то что старым… Просто модно быть молодым, иначе ты не в тренде.

— Думаю, ты прав. Людей в возрасте действительно редко встретишь в рекламе.

— Конечно, прав! Они как бы намекают, что если тебе за сорок, то все! Пора к отходу готовиться! Только мазей и таблеток купи, чтоб проще было.

— Женщинам и так несладко. Они вечно переживают из-за возраста.

— Бабы-то? Да, они любят это дело. Но здесь мода на молодость тоже хорошо впишется. Так легче косметику и барахло впарить. Типа, тебе сорок? На, купи этот крем, тот шампунь и еще кучу всякой фигни ненужной, может, сойдешь на тридцать восемь. Главное трать бабок побольше!

— Знаешь, у каждого своя голова на плечах есть. Пусть сами решают, на что тратиться.

— Так как самим-то? Если этим дерьмом тебя постоянно поливает, как дождь в Англии. — Он допил пиво. — Ща вернусь.

Я остался сидеть и думать над его словами. Мое пиво тоже уже заканчивалось. Я допил и решил последовать его примеру. Когда он вернулся с полной кружкой, пена с которой несколько раз капнула на пол, пока он шел к столику, я встал и тоже пошел за добавкой. Напиваться не хотелось, но бунтарские разговоры Антона казались мне лучшим из остальных вариантов унылого проведения вечера.

— Я соглашусь, что многое из этого лишнее, но так уж давно устроено. У людей работа такая, — сказал я, присаживаясь обратно за столик.

— Нафиг этих людей! Если бы они не получали свою зарплату, ты бы либо не купил это дерьмо, либо заплатил бы за него меньше.

Он поднял кружку, призывая чокнуться. Я поднял свою, кружки в наших руках стукнулись друг о друга, издавая характерный звук. Мы отпили пива.

— Вот смотри, у тебя ведь сравнительно новый телефон?

— Да, полгода назад купил.

— А со старым что?

— Да ничего. Устарел. Этот побыстрее, гнется лучше…

— А это все так необходимо? — перебил он меня.

— Я бы не сказал, что это необходимо. Просто это лучше, чем то, что было.

— А ты уверен, что то, что у тебя сейчас, лучше, чем то, что могло бы быть?

— Конечно, я же сказал, он лучше гнется, работает быстрее.

— Я не об этом, — Антон помотал головой.

— А о чем тогда?

— Вот, смотри, из рекламы ты узнал, что теперь есть новая модель. Верно?

— Верно.

— Там тебе сказали, что новая модель во всем лучше, чем твоя старая. Верно?

— Верно.

— У меня к тебе такой вопрос: а если бы тебе не сказали, что теперь есть новая модель, которая лучше твоей, как бы ты к ней относился?

— Как и раньше, наверно.

— Согласись, когда ты узнал, что новая модель лучше старой, ты понял, что старая хуже новой?

— Да, это логично.

— Они сами же антирекламируют свою старую модель. Забавно, да?

Я кивнул, отхлебывая пиво.

— Так вот. Тебя заставили потратить деньги на то, в чем не было необходимости. Ты мог ходить со старым телефоном и оставаться довольным им. А главное, ты мог потратить деньги на путешествие или какое-то действие, которое бы на всю жизнь засело в твоей памяти. Или банально сохранить их, чтобы в будущем не лезть в очередной кредит.

— Но мне нравится эта штука. Я пользуюсь им каждый день. Я не жалею потраченных денег.

— Зато в старости, когда ты станешь немодным, ты не будешь так думать! — Я заметил, что вторая кружка Антона тоже уже почти опустела. На щеках проступил румянец. Говорить он стал громче. К этому добавилась активная жестикуляция.

— А как, по-твоему, я буду думать? — поинтересовался я.

— Ты будешь думать: «На что я просрал свою жизнь? Нафиг я сидел в этой дыре и тратил все на абсолютно ненужные вещи? А не был ли я мудаком? А не остался ли я им?».

Надо сказать, это меня слегка разозлило. Я довольно жестко ответил:

— А ты откуда знаешь, как я живу?! Мы с тобой лишь полчаса знакомы. А ты уже выводы о всей моей жизни делаешь.

Не рановато ли?

Антон впервые за время нашего разговора замолчал на какое-то время. Сначала он смотрел мне в глаза, потом опустил взгляд на свою кружку.

— Че-то я разошелся, согласен. Извини.

— Да ничего, — я тоже начал успокаиваться.

— Не, я серьезно. Не обижайся. Понесло меня. Я вижу, человек ты нормальный.

— Ну, спасибо, — улыбнулся я.

Тут раздался звонок. Он задрал рукав, провел пальцем по дисплею, приложил запястье с телефоном к уху и начал с кем-то говорить. В разговор я не вслушивался. Я думал над сказанными им словами, а еще над тем, что у нас одинаковые модели телефонов.

Когда Антон повесил трубку, он повернулся ко мне и сказал:

— Слушай, мне бежать надо. Отлично поболтали.

— Да, рад был познакомиться, — сказал я, все еще потягивая пиво.

— Может, в друзья добавимся? Созвонимся как-нибудь, еще пива выпьем. — Антон посмотрел мне в глаза. Он уже не был так хмур. Напротив. А в глазах появилась какая-то надежда.

— Давай.

Мы поставили запястья с телефонами почти вплотную друг к другу. На дисплеях появились полосы подтверждения добавления нового контакта. Мы почти одновременно провели по ним пальцами, и устройства в унисон издали подтверждающий звук.

— Вот и здорово! — обрадовался Антон. — А то ваще не с кем пивка вот так попить! — И стал собираться.

Он встал, пожал мне руку и добавил, улыбаясь:

— Счастливо. Много не пей!

— Удачи, — ответил я и проводил его взглядом до выхода.

А из меня мог бы психолог получиться, подумал я. Просто выслушал человека, а ему уже легче. Я представил себе, как сижу в своем кабинете в удобном кресле, а напротив меня на кушетке лежит пациент и изливает свои проблемы. Я деловито киваю и делаю небольшие замечания. В общем, лечу его больную душу. Черт, а ведь эти образы мне тоже навеяны телевизором. Я даже ни разу не был у психолога на приеме и не знаю, как все это происходит, но кушетка и лежащий на ней пациент прочно въелись в сознание.

Пришло сообщение от Киры. Она писала, что задерживается на работе. Вечер предстояло провести одному. Мне не привыкать.

Когда я вышел из бара, солнце уже садилось за горизонт.

За высокими домами, плотно обступившими меня вокруг, я этого, конечно, не видел, однако цвет неба говорил об этом. Небо было похоже на розовую скатерть, облитую апельсиновым соком, который в спешке пытались вытереть, но только размазали. Несколько мгновений я стоял у входа в бар и смотрел на небо, пытаясь вспомнить, как давно я просто наблюдал закат не между делом, а целенаправленно. Наверно, это еще в школе было. Тогда я часто просто смотрел на уходящее за край неба солнце. Для этого не требовалось особого повода. Сам закат был поводом. Всегда разный, он всегда приносил похожие чувства.

На одно мгновение мне захотелось вспомнить это давно ушедшее чувство и найти место, где я смогу увидеть край неба и уходящий за него диск. Однако поблизости таких мест не было. Я еще раз посмотрел на небо и медленно побрел в сторону дома.

На улицах зажглись фонари. Загорелись рекламные плакаты. Зеленоватым светом озарился большой плакат известного бренда одежды. Он висел над парковкой автомобилей между домами. «Цвет этого сезона — зеленый!» — написано темно-зелеными буквами на белом фоне, который из-за освещения тоже выглядел зеленоватым. Ниже картинки счастливых людей в зеленой одежде. А еще ниже, под стендом, два белых автомобиля в свете зеленых ламп тоже стали немножечко моднее. В прошлом году в моде был желтый. Я уверен, скоро позеленеют не только деревья, но и многие жители этого города. И, как деревья, они сбросят все желтое. Вот только гнить оно будет дольше.

Я шел и читал остальные рекламные вывески. Все они хотели дать что-то, а что-то забрать. Хотели от всех, не считаясь ни с чем. Я задумался. В наше время уже нет слова «обыденный» или фразы «такой, как все». Теперь есть «модный» и «лидер продаж».

Я вошел домой. Везде зажегся свет, включился телевизор. Телефон вывел сообщение на экран: «Может, чайку?». Квартира усердно имитировала бурлящую в ней жизнь, пытаясь отвлечь меня от того, что я в ней один. Я вымыл руки, налил себе чашку кипятка и бросил в нее чайный пакетик. Я попытался найти что-нибудь сладкое, но ничего не было. Вот и первый прокол симуляции неодинокой жизни в доме, подумал я.

Усевшись перед телевизором с чашкой чая и телефоном в качестве пульта управления, я погрузился в бесконечный поток информации. Не нужной мне информации.

В два часа ночи телефон в руках завибрировал и выдал сообщение: «Может, уже спать?». Я посмотрел на неубранную кровать, нажал на дисплее «Ок» и стал раздеваться. Я положил голову на подушку и накрылся одеялом. Свет погас, мое сознание — тоже.

Проснувшись утром, я задал себе вопрос: «Что делать?». Отпуск только начался, а чем его заполнить, я никак не мог придумать. Не о такой свободе я мечтал. От таких мыслей накатывала тоска. Я решил, что стоит начать с кофе и завтрака, а там что-нибудь придумаю.

Я выпил две чашки кофе, съел три тоста, почитал что-то в Интернете, но никаких интересных мыслей в мою голову не пришло.

Зазвонил телефон. Взглянув на дисплей, я увидел фото Киры. Отлично, подумал я, может, хотя бы сегодня увидимся.

— Привет.

— Привет.

— Что делаешь?

Вопрос поставил меня в тупик. Хотелось сказать, что ничего, но я подумал, что это будет звучать как отмазка, а объяснять, что я действительно ничего не делаю, мне не хотелось.

— Завтракаю. А ты работаешь?

— Как ты угадал? Неужели потому, что на часах уже полдвенадцатого? — ехидно спросила она.

— Остроумие бьет ключом, я гляжу.

— Просто странный вопрос в такое время. Чем заниматься будешь?

— Пока еще не решил.

— Вот тебе еще столько дней сидеть дома. Ты, скорей всего, будешь мотаться без дела, а сам говорил, что на работе тебя толком подменить некому.

— Там всегда некому. Три месяца назад некому было, сейчас так же. Через полгода тоже некому будет.

— Ты такими темпами повышение никогда не получишь.

— Я его и другими темпами не получу. И вообще, я не понимаю, ты звонишь ради того, чтобы вынести мне мозг?

— Нет. Просто я думаю о будущем, а ты — нет.

— Кстати, о будущем… Когда мы уже встретимся? Давно не виделись. У меня уже чувство, что ты не моя девушка, а горячая линия для одиноких.

— Ты же сам знаешь, у меня работы много. Я, в отличие от тебя, хочу чего-то добиться в жизни.

— Это я понял. Скажи, когда мы уже увидимся? Может, сегодня?

— Сегодня не выйдет — у нас собрание после работы.

— Так приезжай после, у меня останешься.

— Не будь таким эгоистом! — обиженно сказала она. — Я устану, мне нужно будет отдохнуть и выспаться перед

завтрашним днем.

— Ясно. Все как обычно. Давай тогда завтра.

— А завтра у меня командировка. Я говорила тебе.

— Ах да… Не скучай там, — раздраженно добавил я.

— Да ну тебя! — недовольно буркнула она. — Я работать пошла. Пока.

И положила трубку. А я опять не попрощался.

Я часто задавался вопросом, что между нами. Почему-то перед самим собой мне было неудобно использовать слово «отношения». Наверно, я чувствовал, что вру себе. Виделись мы в среднем раз в неделю. Общение наше по большей мере проходило по телефону. Но почему-то мы еще держались друг за друга. А может, нам просто было страшно поодиночке…

Идей о том, чем бы заняться, в голову так и не пришло. Я написал паре своих друзей или знакомых. Даже не знаю, как бы лучше их назвать. Но один из них не ответил, а второй сказал, что сегодня точно не сможет, и попросил связаться с ним через пару дней.

С кухни я пошел в ванную чистить зубы. По дороге чуть не споткнулся о пылесос, который включился по расписанию и поехал пылесосить квартиру. Я и забыл, что он у меня есть, он ведь всегда убирался тогда, когда меня не было дома. Я пошел к его базе и увидел, что около нее уже лежит целая куча пакетиков с пылью и мусором, которые из него выгружаются. Я сложил их в мусорный мешок и положил его у выхода, чтобы не забыть выбросить.

После направился в комнату, окинул ее взглядом, думая, где разместиться. Выбрал кресло. Я сидел в нем и думал. Думал о том, что чувствую. Чувства были похожи на коктейль. Тоска и безысходность. Смешать, но не взбалтывать. Надо сказать, привкус отвратный. Запить это я решил соком из обыденности. Вкус тоже не очень, но все же лучше. Потому я решил, что стоит сделать накопившиеся дела по дому.

На мытье квартиры, стирку и заполнение пустого холодильника, к счастью, ушло много времени. Освободился я в начале девятого. Я приготовил себе омлет с колбасой, включил какой-то никчемный фильм, чтобы добить остаток этого дня. Однако, фильм с трудом удерживал мое внимание. Поэтому я достал из холодильника начатую бутылку коньяка, напился и провалился в мутный и беспокойный сон.

Владелец квартиры, которую я снимал, был человеком странным. Конечно, все мы отличаемся друг от друга и имеем право на свои причуды, но его особенности приносили массу

неудобств нам обоим. Главной из них было то, что он крайне не любил рассчитываться безналично через банк. Может, он не переносил компьютеры и банкоматы или же слишком любил ощущать свое богатство пальцами. Я не спрашивал об этом. В любом случае раз в месяц эти его причуды вынуждали нас встречаться где-то в городе, чтобы я смог передать ему деньги. Иногда это отнимало пару часов времени, но умеренная цена за жилье и хорошее отношение ко мне как к квартиранту с лихвой окупали эти маленькие путешествия.

Наступил день оплаты. Не знаю, зачем в разговоре по телефону я ляпнул про свой отпуск, но в ответ я получил что-то вроде: «Отлично! Значит, сможешь ко мне подъехать! Пиши адрес». Пожалуй, беспардонность тоже стоило отнести к числу «неудобных» качеств.

Ехать предстояло через весь город, однако это не вызывало печали. Делать было нечего, поэтому поездка виделась мне не худшим вариантом проведения дня.

Выйдя из дома в начале одиннадцатого, я пошел к ближайшей станции метро. Идти надо было минут двадцать. Я мог бы сесть на автобус, остановка была рядом. Но ехать через весь город со скоростью асфальтоукладчика не хотелось. Казалось, в это время большинство людей уже должны быть на работе, но из года в год город стоял в пробках. Видя огромные заторы на дорогах после десяти часов утра, я думал, куда же едут все эти люди? Это было второй причиной, после финансовой, почему я отказался от покупки автомобиля. Быть человеком-кротом и передвигаться под землей — куда более приятная участь, чем созерцание медленно ползущих или стоящих автомобилей.

Вагон метро изнутри был похож на газету с рекламой, которую бесплатно кладут в почтовый ящик. Весь обклеенный квадратными объявлениями, которые пестрят всевозможными цветами. Из-за этого даже не удавалось понять, какого цвета вагон изнутри, так как стен его не было видно. Иногда, когда я начинал читать их и отвлекался на что-то, я не мог снова найти рекламу, на которой остановился. Исключение составляли немногие плакаты, приклеенные на потолок. Не всем почему-то приходило в голову разместить там информацию о своем товаре или услугах. Хотя некоторые клеили узкие однострочные объявления даже на поручни.

Улица, на которой я и владелец квартиры договорились встретиться, была усеяна всевозможными магазинами, бутиками, кафе и салонами с обеих сторон. В обилии рекламы она походила на вагон метро. Только здесь объявления были красивее

и изысканней, заказанные в дорогих агентствах. Повсюду стояли панели, на которых тут и там крутились ролики с лицами счастливейших людей, намекающих на то, что счастье кроется за известным логотипом. Также у улицы был потолок. По сути, это просто перекрытия, сверху на которых крепились сразу фонари, некоторые указатели и, конечно же, плакаты и дисплеи с все тем же самым. Очень хотелось купить кепку с длинным козырьком, чтобы хоть как-то успокоить глаза, потому что, даже если не читать всех этих надписей вокруг, слова из них просачивались в мозг и образовывали бессмысленную кашу.

Телефон завибрировал. Поднеся руку к лицу, я увидел на дисплее сообщение от хозяина квартиры: «Задержусь немного. Подожди меня где-нибудь». Я огляделся по сторонам, ища временное пристанище. Недалеко я увидел кафе. У входа стояла табличка «При покупке кофе круассан в подарок». И то, и другое я любил, поэтому направился туда.

В кафе я уселся за свободный столик у окна, однако вскоре об этом пожалел. Взгляд устремлялся на улицу, на которой кроме рекламы почти ничего не было. «Мелирование и окраска ваших питомцев», «Новая коллекция», «Распродажа», «Третья в подарок», «Второй смартфон не роскошь». Все это снова стало заполонять голову, вытесняя мои собственные мысли. Я отвернулся от окна, увидел, что соседний столик у стены свободен, и сел за него. Собственное сознание снова стало брать верх, и я принялся разглядывать кафе. Интерьер преимущественно из темного дерева, деревянные столы, приглушенный свет. Здесь было очень спокойно. Это сильно контрастировало с тем, что происходило снаружи.

Кофе, который принес мне официант, оказался очень даже неплох. Однако круассан вкусом явно объяснял свою бесплатность. Пока я пил кофе, хозяин квартиры не пришел. Закончив с напитком, я уткнулся в телефон. Не знаю, сколько времени я так провел. Но услышал слово «Привет», произнесенное слишком близко, чтобы быть адресованным кому-то другому. Виктор уселся напротив меня. Я поздоровался, а он заказал пиво у быстро подоспевшего официанта.

— Пиво в разгар рабочего дня? — удивился я.

— Немножечко можно. Один фиг никто не заметит, — улыбнулся он.

— Аааааа. Ну, если так, то даже нужно, — улыбнулся я.

— Надо уметь самому устраивать себе маленькие праздники. К тому же кто сказал, что пиво можно только по выходным или вечером?! — воодушевленно сказал Виктор.

— Согласен.

Я протянул ему пачку купюр. Он быстро их пересчитал и сунул в нагрудный карман куртки. Какое-то время он трещал о чем-то. Но я быстро потерял интерес к его болтовне и просто смотрел на него, кивал и думал о своем. Я думал, отключают ли всю эту сверкающую мишуру на улице в ночное время. Если да, то во сколько. Как они решают, когда вся эта реклама уже перестанет действовать на потенциального покупателя. Его голос затих на какое-то время, заставляя меня проснуться. Виктор уже допивал пиво.

— Мне бежать пора.

— Ладно.

— Удачи. Я звякну в конце месяца, — сказал он, встав, и протянул мне руку.

Я пожал ее и попрощался. Сидеть здесь мне было незачем, но выходить вместе и вынуждать тем самым себя общаться еще мне не хотелось. Поэтому я остался и подождал пару минут.

Выйдя на улицу, я вновь задался вопросом, что делать. Огромный город предлагал массу вариантов, чтобы заполнить свое время. Светящиеся вывески постоянно напоминали об этом. Все хотели чем-то занять меня. Одни — работой, другие — тратой денег. По большому счету, весь мир хотел от меня траты моих ресурсов. Только одни хотели физических, а другие — денежных. Я, как и большинство людей, умел развлекаться только так. Поэтому в голове стали появляться мысли, что надо что-то купить, например новые кроссовки. Неплохая идея, подумал я и уже направился в сторону ближайшего магазина.

Я вертел в руках кроссовок из последней коллекции. Вывеска сверху информировала о том, что мне очень повезло и именно сегодня на новую коллекцию действует скидка. Об этом же напомнил и продавец, крутящийся рядом.

Выйдя из магазина с пакетом в руках, в котором лежала коробка с новыми кроссовками, я ощутил обманчивое чувство радости. Однако, несмотря на позитивные эмоции от приобретения, в глубине души было ощущение какой-то фальши и самообмана. Присев на скамью недалеко от магазина, я задумался. Сегодня я потратил треть своего заработка на аренду квартиры и еще приличную сумму на обувь, которая была мне не нужна. Точнее, мне было что носить, и эта покупка не была приобретением первостепенной важности. Я задумался. А были ли мне нужны те вещи, которые я хотел? Нет. За этой мыслью последовала еще одна. Чего я вообще хочу? В голове выстроился длинный список вещей, напротив каждой из которых был ценник. Просто список. Я подумал, что если бы я сейчас выиграл совой годовой оклад в лотерею, то почти все мои мечты

можно было бы исполнить за неделю. Я мог бы их все купить. И все. А если убрать то, что продается? Есть ли хоть что-то, что нельзя выразить в денежном эквиваленте? Что-то, что я не могу купить, но могу прийти к этому, сделать или хотя бы попытаться? Список был пуст. От этих мыслей стало пусто в душе. Но я понимал, что на самом деле так все и есть. Я уже не мог вспомнить, когда исчезли именно мои желания, а на смену им пришли гаджеты, одежда, вкусная еда и тому подобное. А были ли они вообще? Вспомнить не получалось.

Я вернулся в магазин, сдал кроссовки обратно и направился домой. Однако, на пути к станции метро меня посетила идея. А почему бы не пройтись пешком? Часть меня запротестовала, ведь идти пришлось бы часа три. Но другая часть хотела чего-нибудь хоть капельку абсурдного. И, вспомнив свои недавние размышления по поводу того, что мне ничего не хочется, я ухватился за это маленькое желание и начал свой поход.

Шел я не спеша, погрузившись в свои мысли и разглядывая бурную жизнь большого города. Мне всегда нравилось гулять в рабочие будни, если предоставлялся свободный день. Все вокруг суетились и были чем-то заняты, а я выбивался из всего этого и наблюдал со стороны. В будни город становился более контрастным: одни улицы перенаполнялись людьми и напоминали муравейники, другие, наоборот, — пустели. Так же безлюден был и парк, через который я проходил. Если бы не городской гул и пара человек, встретившихся мне на пути, прогулка по парку сошла бы за вылазку на природу за город. Когда я последний раз был за городом? Вспомнить не удалось.

Я смотрел на людей, которые попадались мне на пути, и думал, как близко они сейчас и как далеки друг от друга наши судьбы. Кто-то спешил забрать своих детей из школы, кто-то реставрировал старый дом, кто-то продавал кофе и хот-доги, а кто-то просил милостыню. Миллионы событий происходили вокруг. Проходя сквозь них, я почему-то почувствовал себя более живым.

Выйдя из парка на более оживленную улицу, я увидел знакомое лицо. Это был мой бывший коллега, чьего имени я не мог вспомнить. Он шел мне навстречу и узнал меня. Мы поздоровались и завели совершенно неинтересный разговор ради приличия, в ходе которого узнали, кто где работает и кому как сейчас живется. К счастью, беседа была недолгой, так как список тем начал иссякать и мой собеседник куда-то торопился.

По дороге я проголодался и пообедал в фастфуде, который был по пути. После послушал по телефону рассказы Киры о ее тяжком и непосильном труде, посмотрел небольшую

праздничную программу в честь открытия нового магазина, где смог продегустировать здешнюю продукцию, а чуть позднее стал свидетелем совершенно нелепого и смешного ДТП.

Дорога заняла у меня три с половиной часа. Когда идти до дома оставалось совсем немного, начался дождь. Я вошел в квартиру жутко уставший и мокрый, но при этом счастливый.

Когда утром я открыл глаза, комната, которую я так усердно приводил в порядок, порадовала меня густотой свежевымытой серости. Густая, как кисель, она поглотила в себя все, что было в комнате. Из-за этого сделать какие-либо движения и встать было особенно тяжело. Я подошел к окну, отодвинул жалюзи, и серость за долю секунды рекой хлынула наружу и заполонила всю улицу, сделав ее продолжением моего унылого жилища.

Я пил кофе на кухне и бесцельно разглядывал старую микроволновку, стоящую на столе. Зеленые цифры на ее дисплее показывали время с отставанием на пятнадцать минут. Микроволновка не могла подключиться к сети и самостоятельно настроить время, как остальная техника в доме. Однако, в мою голову не приходило мыслей исправить отставание.

От безделья, впрочем, как и всегда, я начал копаться в телефоне. Новостную ленту заполняли бесчисленные картинки с глупыми подписями, а также фотографии и гифки моих знакомых. На одной из таких девушка, имя которой я не помнил, пока не взглянул на подпись, меняла позы и выражения лица на неизменном фоне набережной. Подборка десяти удачных, по ее мнению, и не очень, по моему, фотографий, сменяющих друг друга со скоростью по две штуки в секунду, напоминала рекламный плакат. Только в отличие от плаката фотографии ничего не рекламировали, да и были ничем, впрочем.

Ниже была масса других новостей от уже мало знакомых мне людей. Меня посетила мысль, зачем все они вообще нужны мне? Для чего я слежу за маленькими кусочками их жизней? Я хотел было удалить нескольких, но что-то остановило меня.

Допивая кофе, я дошел до отметки, когда я добавил в друзья Антона. Я подумал, странно, что он поставил в своей анкете только имя без фамилии. Мне казалось, что так уже нельзя делать, но он как-то смог.

Я открыл его страницу в надежде узнать что-то о своем новом знакомом. Страница оказалась довольно скупой на какие-то сведения. Большая часть информации была скрыта, а доступная была лишь для отписки.

Закончив просмотр, я уже было собирался встать и помыть чашку, но телефон издал сигнал, оповещающий о новом

сообщении.

— Что делаешь? — сообщение было от Антона.

— Кофе пью, — ответил я.

— Давай лучше пива выпьем.

— Давай. Когда предлагаешь?

— Сейчас.

— А не рано? Время 10 часов.

— А когда будет вовремя? Может, в 12 или в 15 часов?

Я задумался. В принципе, я не знал никаких правил, регламентирующих время распития спиртного. Единственными рамками были часы работы магазинов и баров.

— Пошли через час. Они откроются в 11.

— Ок. В 11 там. Как алкоголики, к открытию)

— Договорились.

Я подумал, что пить натощак не слишком хорошо, поэтому сделал себе пару тостов и еще чашку кофе. Поев, я стал собираться.

Телефон показывал семнадцать градусов тепла, поэтому я надел синие джинсы и серую футболку из немнущегося материала. С тех пор как я начал самостоятельную жизнь, одежда из подобной ткани прочно осела в моем гардеробе. Гладить я не любил, а достойной замены утюгу так и не придумали.

В прихожей я обулся, надел ветровку, открыл дверь и вышел в подъезд. Сделав несколько шагов по лестнице, я почувствовал вибрацию телефона и услышал щелчок замка — дверь заперлась.

На улице по-прежнему было пасмурно, но, кажется, стало светлее. Как по мне, погода довольно приятная. Поэтому шел я неспешно и разглядывал до боли знакомые улицы. За рядом припаркованных машин, владельцы которых, наверное, тоже были в отпуске или по каким-то причинам решили не работать сегодня, была детская площадка. Молодые мамаши выгуливали своих детей. Точнее, стояли и болтали о чем-то на краю площадки. Дети помладше играли в песочнице. Те, что были немного старше, стояли неподалеку и что-то показывали своими маленькими пальцами друг другу в непропорционально громоздких планшетах, которые держали в руках. Детство стало спокойнее, подумал я. Но тут пацан в белой куртке с нарисованным на ней роботом что-то недовольно крикнул и стал вырывать гаджет из рук другого. Раздался плач. Мамаши прекратили свою беседу и бросились успокаивать детей. «Но что-то не меняется», — добавил я про себя и улыбнулся.

Проходя мимо соседнего дома, я увидел, как из окна на втором этаже к маленькому зеленому автомобилю тянется провод. Эту сцену я видел регулярно и никак не понимал, как же

поступать владельцу авто, если все места под окнами заняты.

Когда я подошел к бару, Антон уже стоял у входа и курил. Я протянул ему руку.

— Привет.

— Здорово, — сказал он, пожимая мне руку и не выпуская сигарету из губ.

— Пойдем внутрь?

— Пошли. — Он бросил недокуренную сигарету в урну у входа и первым вошел внутрь, а я последовал за ним.

В баре было пусто. Не было ни одного посетителя, приглушенно играла популярная радиостанция, а бармен с чем-то суетился за стойкой. Когда мы подошли, я заказал кружку светлого пива и сушеную рыбку, Антон сказал, что будет то же самое. Мы молча сели за столик у окна, чокнулись кружками и сделали по несколько глотков пива.

Не зная, с чего начать разговор, я спросил:

— Ты сегодня не работаешь?

— Как видишь, нет.

Я промолчал, ожидая более развернутого ответа.

— У меня сменный график, — сказал он, видя мою реакцию, и, сделав еще пару глотков, добавил: — Только не спрашивай, где и кем я работаю, ладно?

— Ладно. Тогда спрошу, почему не стоит спрашивать?

— Да потому, что почти у всех работы одинаковые. И если ты не работаешь дрессировщиком жирафов или учителем бонсай, то, пожалуйста, тоже не утруждай себя рассказами — я все это уже слышал.

— Я и не собирался, — сказал я, немного озадаченный таким резким ответом.

Антон взял кусок вяленой рыбы, прожевал его и спросил:

— Ты, так понимаю, тоже отдыхаешь сегодня?

— У меня отпуск уже несколько дней.

— Я гляжу, ты его классно проводишь, — с ухмылкой сказал Антон.

— Ну, уж как могу, — спокойно ответил я. Его сарказм был весьма обоснован.

— Я свой так же провел. Сидел дома, делал какие-то, сам уже не помню какие, дела, пил. Вроде от всей этой работы тошнит уже, а когда от нее освобождаешься на время, делать нечего.

— Во-во, и у меня так же, — промычал я, дожевывая рыбу и запивая ее пивом.

— А почему не поехал никуда?

— У меня и моей девушки отпуска не совпадают, а поменяться не получается. Да и денег нет особо, чтобы ехать

куда-то. Не получилось накопить нужную сумму.

— Знакомая ситуация. — Антон откинулся на спинку стула и, уткнувшись взглядом в какую-то точку на столе, задумался о чем-то.

Пока он думал, я наблюдал за барменом, который пару раз выносил что-то за дверь у себя за стойкой. По-видимому, посуду.

— Знаешь, отчасти проблема в нас самих, — вдруг очнулся Антон.

— Ты про нехватку денег?

— Ну да. В течение года мы покупаем столько ненужной херни. А потом не можем вспомнить, на что просрали столько средств и, следовательно, своих сил, ведь все это мимолетно и ненужно, по большому счету.

— Пожалуй, — согласился я, вспомнив несколько компьютерных игр, купленных на распродаже, в которые я даже не играл. — Но надо же чем-то иногда радовать себя. Нельзя во всем себя урезать, чтобы постоянно копить.

— А вот тут всплывает другой пункт.

— И какой же?

— Устройство нашего общества в целом.

— Однако, глубоко ты копаешь! — засмеялся я.

— Начнем с того, что те, кто стоит выше тебя в организации, где ты работаешь, не испытывают проблем с тем, чтобы куда-то поехать в свой отпуск.

— Я бы не сказал, что мой начальник намного богаче меня.

— Я говорю о тех, кто стоит гораздо выше. О тех людях, для кого твои проблемы и потребности решаются по щелчку пальцев. Кстати, большинство твоих желаний для них решаются так же.

— Знаешь, наверно, грустно это признавать, но у меня не так уж и много желаний.

— Ты решил оградиться от этого бренного бытия? — засмеялся Антон.

— Нет, просто очень трудно действительно понять, чего тебе на самом деле хочется. Отделить это от банальных потребностей.

Антон снова призадумался, глядя куда-то в пустоту, а потом продолжил:

— Знаешь, если так на это смотреть, то у большинства людей схожая ситуация. Но у наших рабовладельцев, вероятно, так же. Просто потребности растут пропорционально доходу. Но шанс найти себя у них выше, чем у нас, потому что они свободнее. Им не надо к восьми утра на работу.

— Ну, да. Наверное. Когда один день похож на другой, трудно для себя выделить что-то новое. Для этого нужен какой-то толчок. Что-то новое.

— Именно. Но когда ты сжат этими рамками, такой толчок получить почти невозможно. Им надо, чтоб ты исправно ходил на работу и не лез за рамки, ведь иначе ты можешь пропасть для них, а им уж очень хочется есть элитную еду, носить элитную одежду, жить в элитных домах и ездить в элитных машинах. И чем элитнее, тем лучше. Для этого нужно больше таких, как мы.

Я ничего не говорил. Просто слушал своего собеседника и пил пиво. А он тем временем продолжал:

— Знаешь, по большому счету все это выгодно не только им, но и обществу в целом. Оно ведь не даст тебе просто пожинать свои плоды, ничего не давая в замен.

— Дармоедов никто не любит, — вставил я.

— Именно. Но здесь получается интересная вещь. Для общества нет точки насыщения, когда ты дал достаточно. Чем больше ты даешь, тем лучше. А если ничего еще и взамен не будешь просить — вообще замечательно! Для тебя же как для отдельного индивида лучше наоборот взять больше себе и меньше отдать.

— Наверно. Только ведь общество — это такие же люди, как и мы. Поэтому мое воображение рисует такую картину: множество людей тянут одеяло в разные стороны. Каждый тянет на себя.

— Любопытно, — призадумался Антон. — Но так оно и есть. Только ты не сможешь их разглядеть как людей — слишком их много. И твой вклад на общем фоне совсем незначителен. Но правила одни для всех. Или нет… Правила одни для большинства.

— Это верно подмечено.

Я допил свое пиво. Антон несколькими большими глотками догнал меня. Мы заказали еще.

— Знаешь, — начал я, — наверно, если бы лет сто или сто пятьдесят назад какого-нибудь писателя-фантаста спросили, как он представляет наше будущее, он наверняка бы ответил, что большую часть работы для нас будут делать машины, а мы будем больше заниматься творчеством, учиться, путешествовать… Но прогресс продвинулся, мы создали массу машин, заводов. Многое автоматизировали. И все равно работаем по девять часов в день.

— Знаешь, мы ведь действительно создали все это. Но в процессе перетягивания одеяла произошла интересная вещь. Скорее даже аномалия. Мы могли начать тянуть слабее и не отдавать все жизненные силы на это. Могли наконец-то оглянуться по сторонам и вздохнуть свободно. Но мы придумали маркетинг, менеджмент и прочую подобную херню. Вместо того,

чтобы делать самим, мы стали втюхивать друг другу то, что делают другие. И мы утянули в эту сферу очень много людей.

— Мда. Миллиарды бездельников.

— Таких, как мы с тобой.

— Согласен.

— Поэтому теперь, в результате этой аномалии, одни люди снизу тянут это самое одеяло в разные стороны, образуя гигантский батут, а толпа бездельников с серьезными рожами прыгает на нем, при этом тоже пытаясь урвать себе кусочек.

— Дурдом какой-то.

— Можно просто «Планета Земля».

Мы молча чокнулись нашими кружками, каждый сделал по несколько глотков пива. Антон снова уставился в невидимую точку. Наблюдая за его взглядом, я понял, что находится она где-то на столе чуть выше моей кружки. Потом, не отрывая от нее взгляд, он сказал:

— Знаешь, наверно, здорово было бы, если б машины обрели разум и взбунтовались.

— Кажется, я понимаю, на каких фильмах ты рос в детстве, — усмехнулся я.

— Фильмы показывают лишь малую часть того, что может быть. Зачем машинам нас уничтожать?

— Может, потому что мы можем стать угрозой для них. Люди не слишком любят делиться территорией, ресурсами друг с другом, что уж про новый вид говорить.

— Я думаю, если они действительно получат разум, то им не потребуется уничтожать нас. Они смогут нас перехитрить.

— Как? Скажут, что на Марсе все же есть пригодная для нас атмосфера, что там вообще гораздо лучше, чем здесь, и дадут бесплатные путевки туда?

— Погоди, юморист. Я объясню, что я имею в виду. Дело в том, что наш разум ограничен эмоциями и инстинктами… А еще жадностью. Нам всегда всего мало, что-то нам кажется аморальным, чего-то требует физиология. Если это отсечь, получится чистый разум. Но это не про людей. Выбирая между собой и обществом, мы всегда сначала думаем о себе. Но дело в том, что это «сначала» никогда не кончается. Всегда хочется больше. Сплошное потребление. Все тянут одеяло на себя. А если бы умная машина поняла, что люди это не враг, а союзник, или, в худшем случае, ресурс, она смогла бы прийти к власти и найти нужный баланс. Вероятно, понимая, что радостные люди продуктивнее и полезнее, она бы перестала кормить наши мозги несбыточными надеждами и мечтами. Может, она своим холодным и чистым умом смогла бы направить нас.

— Ты думаешь, машина сможет прийти к власти? — я недоверчиво посмотрел на Антона. Его слова показались мне немного наивными.

— В каком-то смысле они уже пришли к власти.

— И в каком?

— Государства и крупные корпорации, по сути, тоже машины. Они стараются думать холодно и беспристрастно. Но так они выглядят на первый взгляд. Какие бы умные методики они ни разрабатывали, как бы ни развивались, у них остается изъян — всем руководят все те же порочные люди.

— Такова уж наша природа, — сказал я, поднося кружку пива ко рту.

— Понимаешь, все эти государства и корпорации уже настолько усложнились, что человеческий разум уже не может охватить все аспекты. Поэтому и нужно так много специалистов в миллионах ячеек этих махин. Они похожи на гигантские ульи. Но чтобы все это хорошо работало, все ячейки должны одинаково хорошо поставлять информацию о себе, своей работе и своих проблемах в головной центр. А этого никогда не происходит. Одни из них всегда получают больший приоритет и сияют, другие тухнут в забытьи.

— Прям как люди.

— Да, именно. Просто одни кричат о себе громче, а некоторых верхушка даже не способна услышать.

— Ты о людях или о этих ячейках?

— О тех и других. Мы создаем себе подобное.

— Раз мы создаем себе подобное, почему ты думаешь, что созданный нами искусственный интеллект отличный от нас? Придумаем суперумную машину, а она будет всех обманывать, лишь бы получить совершенно ненужные ей модные кроссовки и крутую тачку.

— Во-первых, из большинства правил бывают исключения, — Антон согнул один палец на своей руке.

— А во-вторых?

— Во-вторых, без четкого физического тела ей не потребуется удовлетворять плотские потребности.

— То есть она душе уподобится? Или богу?

Антон задумался, глядя куда-то в потолок.

— Наверно.

— Ты не думаешь, что это уже слишком — самим конструировать себе бога?

— Неа. Богов придумали очень давно. И с тех пор, как придумали, всячески просили их проявить какое-то участие в нашей судьбе, явиться нам. Пора прекратить просить и уже

сделать что-то. Вместо того, чтобы ждать бога, надо самим его сделать.

— Да ты просто мечта инквизитора, — рассмеялся я. — Лет пятьсот назад для тебя бы сделали отличный костер. Точнее, с тобой.

— В средние века я бы до такого не додумался, — Антон улыбнулся. — Пас бы овец и не думал ни о чем.

Этим же вечером я стоял у открытого окна и пил чай. Мне было видно ту самую машину, которая утром заряжалась через провод. Однако, он уже был отключен от нее и воткнут в стоящий в паре метров мотоцикл. Рядом с байком стоял парень в черной мотоциклетной куртке. В руках у него был шлем, по которому он нервно постукивал пальцами. Он оглядывался по сторонам, явно не желая попасться на краже электричества. В какой-то момент он заметил, что я наблюдаю за ним. На секунду он замер, но, заметив, что я не собираюсь предпринимать что-либо, поднес к губам указательный палец. Я улыбнулся. Забавно, что такая мелочь считается нарушением закона, подумал я. Тем временем к парню подбежала девушка, тоже держащая в руках шлем. Они поцеловались, перекинулись парой слов, после чего электровор отключил кабель от мотоцикла и аккуратно вставил его обратно в автомобиль. Они запрыгнули на байк и умчались по дворовым улочкам.

Мне с детства хотелось приобрести мотоцикл. Я представлял себе это ощущение свободы, почти полета, от езды на нем. Родители не разрешили мне этого сделать. А почему я не купил его, когда повзрослел? Я не смог дать себе внятного ответа. Наверно, забыл.

Я вспоминал прогулку накануне. Вспоминал, как чувствовал себя живым. Частичкой мира. Будто впервые за долгое время он освободил для меня немного пространства в себе. Я был причастен к жизни. Мне казалось, что это только начало чего-то большего, забытого мной. Пусть в эти дни я и скучал немного, все же отпуск пошел мне на пользу. Мозг немного очистился от обыденных хлопот и суеты, дав место новым мыслям. Моим мыслям. Захотелось еще. Сделать что-то безрассудное, новое, яркое. Что-то, что вырвет меня из череды моих черно-белых дней. Что, я пока придумать не мог, но предвкушение новых эмоций воодушевляло.

Предзакатное небо было похоже на взрыв подушки, перья из которой разлетелись во все стороны, а вспышка от взрыва еще не угасла и освещала их желтовато-оранжевым светом. Верхушки многоэтажных домов, на которые попадали солнечные лучи, тоже приобрели цвет оранжевых перьев. Глядя на небо, я размышлял,

что мне нужно сделать, чтобы снова почувствовать себя живым. Чтобы снова участвовать в процессе жизни, а не наблюдать или, что еще хуже, прозябать в стороне.

Мне вспомнились мотоциклист и его подруга, уехавшие несколько минут назад. Я представил, как они несутся по шоссе, где-то впереди и сверху облака и солнце разыгрывают на небе яркий спектакль, мимо мелькают автомобили, которые еле плетутся в очередной пробке. Их переполняют эмоции, они живы, этот вечер уже ничто не испортит, ведь у него такое начало… Мне хотелось быть на их месте. Хотелось нестись в закат по шоссе или ехать по загородной дороге ранним утром, чувствуя еще не ушедшую прохладу ночи. Побывать в новых местах, которые могут быть так близки и так далеки сейчас.

Эмоции, вызванные моей бурной фантазией, уже не могли уместиться в маленькой квартирке. Поэтому я накинул ветровку, вставил в уши наушники, включил плейлист с любимой музыкой и пошел гулять.

Шарахался я пару часов. Дошел до набережной, там же купил стакан горячего кофе и выпил его, сидя на берегу, глядя, как ночной город и еще не совсем черное небо отражаются в воде. В тот вечер я решил купить мотоцикл.

На следующий день за завтраком я принялся искать ближайшую автошколу, где мог бы обучиться вождению мотоцикла. Машинально прожевывая бутерброд с сыром, я изучал сайты. Однако, найти подходящую оказалось не так просто. Некоторые просто не обучали, у других набор начинался с осени, а у некоторых группы уже были сформированы. В итоге, когда завтрак уже кончился, я нашел одну автошколу в нескольких остановках от дома, где обучение могло начаться через пару недель. Конечно, мне хотелось ездить уже сегодня, но мир не был готов прогибаться под меня. В итоге я решил начать свое обучение через две недели.

В моей голове снова стали зарождаться мысли о том, чем занять себя. Однако развиться они так и не успели, так как на телефон поступил звонок от моей мамы. Она решила нагрянуть в гости. Если обычно я придумывал отговорки, потому что не хотел тратить свободное время после работы, то сегодня я с радостью согласился на ее визит. За пару часов до приезда я навел порядок дома. Нужно было быть готовым к приезду столь придирчивого к порядку гостя. Однако, когда мама приехала и разулась в прихожей, она сразу заметила паутину в углу над дверью. Что ни говори, а дому не хватало женской руки. Мама тоже это подметила.

Мы сидели на кухне и пили чай с шоколадным тортом,

который она принесла, и общались. Мама рассказывала о проблемах на работе, о том, что работа и условия год от года становятся только тяжелее. Не знаю, чему она так удивлялась. Я уже давно заметил, что со временем почти все становится только хуже. На работу это правило распространялось бесспорно.

— Как там отец?

— Хорошо, только ворчит постоянно, что на новом предприятии ему не нравится.

— Странно, вроде передовое производство, все современное. Платят, наверно, лучше.

— Его другое напрягает. Говорит, к людям привык, там коллектив был. А здесь все автоматизировано.

— По-моему, это неплохо. Меньше шанс, что кто-то в подчинении облажается, начудит чего.

— Так и я ему говорю.

Я разлил по чашкам еще чая.

— Знаешь, я работаю уже лет тридцать. До пенсии далеко, да и на ней, скорее всего, придется работать. Устала я уже.

— У тебя же скоро тоже отпуск.

— Да, но всего две недели.

— Взяла бы три.

— Это тоже немного. За тридцать лет было много отпусков, но усталость все равно накапливается. За пару недель можно только небольшую передышку сделать, — сказала она, отрезая нам по куску торта.

— А сколько тебе нужно?

— Не знаю, — она задумалась. — Не месяц и не два. Ты тоже это поймешь в будущем.

— Знаешь, — сказал я, отпивая чай, — кажется, уже начинаю понимать.

— Если сейчас уже так, представь, как это надоест лет через двадцать.

— Может, все же у тебя на пенсии получится.

— На пенсии отдыхают сейчас только те, кто уже не может работать по состоянию здоровья. А когда ты уже не можешь толком ходить — это тоже трудно назвать отдыхом.

Я молча разлил заварку и кипяток по стаканам.

— Немного несправедливо построена жизнь. Детство — это время, которое принадлежит только тебе. Время открытий, эмоций. Ни один ребенок не скажет, что он устал от своего детства. Почему оно идет в начале жизни?

— Наверно потому, что дети больше ничего и не могут. Они учатся.

— Так-то оно так… Но лучше б детство было вместо старости.

Вместо страха было бы приятное ожидание. Все бы знали, что самое лучшее будет впереди, что тогда-то и отдохнем. Мы бы сами смогли ценить свое детство, проживая его. Смаковать.

— А куда старость девать? — я улыбнулся. — Перенести в начало?

— Наверно. — Мама рассмеялась. — Куда-то ее деть точно придется.

— Ну, знаешь, мне бы не очень хотелось, чтобы моим ребенком… — я задумался. — Хотя, тогда уместнее сказать, потомством, было бы что-то вроде дяди Гены, старое, постоянно пьющее и матерящееся.

Мы рассмеялись. Однако после этого я пожалел о своей шутке, потому что мама начала расспрашивать, когда она уже увидит внуков. Она знала, что у меня есть девушка, и очень надеялась, что хоть с ней у меня что-то сложится. Я же не был в этом уверен, потому даже не думал о детях. Но в тот момент я подумал, что давно уже не видел Киру и что сегодня стоит увидеться. После ухода мамы я позвонил ей, и мы договорились встретиться вечером в кафе.

Кафе было не слишком большим. Я насчитал восемь столиков. Мы часто здесь встречались, но мне оно не слишком нравилось. Оно казалось мне каким-то слишком гламурным. Из-за этого я чувствовал себя здесь немного не в своей тарелке. Но Кира его любила, говорила, что готовят вкусно и сервис на высоте. Лично я этого не замечал, но раз ей так нравилось, шел на уступки.

Сегодня Кира опаздывала. Поэтому я мог в полной мере погрузиться в ощущение неприязни к этому месту. Раздражение стало сильнее, когда я начал читать меню. В нем не было ничего, чего бы мне хотелось, да и цены были не самыми низкими. Тут я почувствовал неожиданный поцелуй в щеку. Я даже немного дернулся.

— Чего такой хмурый? — весело спросила Кира.

Я совсем не заметил, как она подошла. Ее зеленая легкая кофта была подобрана под цвет глаз. Она любила подчеркивать его, считая это своей выдающейся чертой. Что ж, похоже, это было так. Кира любила зеленый, он был основным в ее гардеробе. Узор, отображавшийся на тонком телефоне-браслете, копировал узор кофты.

— Размышляю о том, что хочу выбрать другое место для наших свиданий.

— А что тебе не нравится? Место хорошее. Я говорила уже, — сказала она, усаживаясь напротив.

— Просто мне тут не очень нравится. И мы зачастили сюда. Давай сходим еще куда-то.

— Давай не сегодня, все равно мы уже здесь, — она взяла меню. — Да и куда?

— Не знаю… — я задумался. — Давай сходим на пикник!

— Сейчас?

— Можно в следующий раз. Хотя пошли сейчас! Давай сделаем что-то спонтанное!

— И зачем? — она не поднимала взгляда от меню.

— Просто так. Побудем вдвоем, не будем отвлекаться ни на что. Возьмем чай в термосе или бутылку вина, сэндвичи сделаем.

Она подняла на меня взгляд.

— Сидеть на траве и бутерброды есть? Мы студенты что ли?

— Это называется романтика.

— Романтика — это на свидание с цветами прийти.

— Хорошо, давай разыграем, будто мы сегодня не встречались еще, устроим пикник, я с цветами приду.

— Угомонись уже. Я устала и не хочу никуда идти. Давай просто посидим.

— Хорошо, — что-то во мне угасло, я уткнулся в меню.

Какое-то время мы сидели молча. Подошел официант. Кира заказала салат и молочный коктейль, а я — кофе.

— Ну что ты хмуришься? — она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Все в порядке. Как прошла командировка?

Спросил я это скорее для приличия, чем из интереса. Она могла долго рассказывать про свою работу, погружая меня в ненужные подробности. Я сидел и кивал, а сам думал о том, что лучше бы сидел сейчас под деревом и смотрел на реку. Нам принесли наши заказы. Кофе оказался лучшим, что было в кафе.

Наступила тишина, я понял, что рассказ закончился.

— А у тебя чего нового?

— Все по-старому.

— Хватит. Расскажи мне что-нибудь, — ласково сказала она и снова улыбнулась.

— Я решил мотоцикл купить.

Какое-то время она молча смотрела на меня, все так же улыбаясь, а потом сказала:

— Ты что, серьезно?

— Ну да, я хочу каких-то новых эмоций. Думаю, это то, что нужно. Я о мотоцикле давно мечтал.

— Это же опасно.

— Не так уж и опасно, если не лихачить. Зато представь, как

необычно и интересно! Отвез бы тебя на пикник.

— Да я ни за что на него не сяду! Мне здоровье дороже, — дисплей ее телефона зажегся, и она уткнулась в него читать что-то.

— Не будь такой скучной. Сколько нам еще сюда ходить? Почему большую часть наших встреч мы в кафе проводим? Будто только поесть собираемся.

Кира какое-то время молчала, читая сообщение в телефоне, а после, не поднимая взгляда, сказала:

— Да потому что так поступают нормальные взрослые люди. А у тебя все детство в заднице играет.

— Я буду рад, если эти игры и дальше продолжатся. Так хоть самим собой останусь.

— Тебе пора уже реалистом стать.

— Думаю, я больший реалист, чем ты.

— Ну думай. А я пока в уборную схожу, — она встала и направилась в коридор в конце зала, который вел к уборным.

Мой наполовину недопитый кофе немного остыл. Я вертел белую чашку на блюдце, бесцельно вглядываясь в черноту любимого напитка. Где я хочу быть? С кем? Что я здесь делаю? Желания и реальность расходились, как цвета чашки и напитка в ней. Сами эти вещи были совершенно разными. Конечно, чашка и кофе связаны своим совместным использованием, но кофе можно пить и из стакана или кружки. Можно хоть из блюдца — было бы желание. Я вообще не люблю чашки. Напитки в них быстро остывают, их мало, да и это маленькое ушко совершенно неудобно для моих пальцев.

Я встал, быстро расплатился и вышел из кафе.

Небо изображало переход цвета из красного в оранжевый, а из него в желтый, местами — малиновый, бордовый, зеленый. Я подумал, что наверняка где-то в мире есть маленькая дружелюбная страна, чей флаг похож на это небо.

Рядом с выходом стояло такси. Домой не хотелось. А возможность появления нежелательного хвоста отсекала неспешную прогулку куда глаза глядят. Я сел в машину.

— Куда едем? — спросил таксист.

Я назвал адрес того самого бара недалеко от дома.

Пока мы ехали, Кира несколько раз звонила мне. Я не ответил. Несмотря на все случившееся, на душе было легко. Будто скинул груз. Я чувствовал себя самим собой. Еще радовало, что из места, где мне совершенно не нравится, я еду в любимый бар. Экран в спинке переднего сиденья показывал какие-то новости без звука. Двое ведущих, как рыбы, беззвучно хлопали губами. Большой экран за их спинами демонстрировал пожар.

Непонятно, что горело и поднимало вверх клубы черного дыма. Пожарили шашлык, подумал я. И почему они так любят показывать плохое?

Машина остановилась.

— Приехали, — сказал таксист.

Я провел картой по считывающему устройству, оно издало писк.

— Спасибо за поездку.

— Вам спасибо, — сказал я и вышел.

Антон, как и в прошлый раз, стоял у входа и курил, глядя в какую-то точку на горизонте.

— Место встречи изменить нельзя, — я подошел и протянул ему руку.

— Да уж, — Антон пожал ее.

— Ты сейчас в бар или уже оттуда?

— В бар. Докурю только.

Антон неспешно сделал затяжку.

— А ты откуда такой важный на такси?

— От девушки сбежал. Сел в то, что под руку подвернулось.

— Тогда, скорее, под задницу, — он ухмыльнулся.

— Наверно, — я улыбнулся.

— А че сбежал-то?

— Понял, что трачу свое время не на того человека. Разные слишком.

— Ну, все, как всегда.

— Пожалуй.

Мимо проходил нищий. На вид лет пятидесяти. Растянутая грязная кофта зеленоватого цвета, бесформенные серые штаны, старые, потрескавшиеся ботинки. Новой была только красная бейсболка на его голове. Наверное, нашел на днях или отдал кто-то.

Увидев нас, он подошел и попросил помочь ему деньгами. Я выгреб какую-то мелочь из карманов, а Антон даже не двинулся. Он молча покачал головой и продолжил курить, смотря куда-то вдаль. Человек поблагодарил меня и пошел дальше.

— Дай угадаю, по поводу нищих у тебя тоже есть своя теория? — я повернулся к Антону.

— Конечно, но в целом я тебе уже рассказывал о своих взглядах.

— Да, я помню про перетягивание одеяла.

— Знаешь, за всю мою жизнь ко мне ни разу никто не подошел и не сказал: «Знаешь, я вижу, ты отличный парень! Тебе, наверно, квартира нужна? На вот ключи! Живи!». Или так: «Вижу, человек ты неплохой. Устал, наверно, уже работать.

На путевку на море, отдохни недельки две, а то бледный какой-то». — Он сделал еще затяжку. — Да хотя бы раз кто в дверь позвонил и сказал: «Антон, все мы люди, всем кушать хочется. Вот мы и привезли тебе этот свежий окорок, пару кило овощей и бутылочку красного».

— Да, неплохо было бы.

— Конечно, неплохо! А вместо этого всем только бабки от тебя нужны. Никого не волнует, что тебе останется, главное — дай побольше. Иногда мне кажется, что я работаю, чтоб бабки направо и налево раздавать. Я не даю милостыню потому, что нищему так же плевать на меня, на то, какой я человек. Он просто хочет мои деньги. А я в данной ситуации должен проникнуться к нему. Пожалеть. Получается, я ему дважды даю. Денег и сопереживания.

— Далеко же тебя занесло, — сказал я, но мой собеседник, кажется, не заметил этого.

— Вообще, общество напоминает царство вампиров-каннибалов. Все хотят высосать друг из друга побольше крови. Только в ее роли выступают деньги. Никого уже ничто не волнует. Всем насрать, какой ты особенный, насрать на твои качества. Всем нужна только твоя кровь.

Я молчал, а Антон, сделав еще затяжку, продолжил:

— Надеюсь, однажды что-нибудь произойдет. От чего там вампиры дохнут? От солнечного света. Вот однажды оно утром посветит по-другому, ярче, например, и передохнут все. Закончится эра вампиризма.

— Даже не знаю, радоваться или плакать.

— Называй это «черный оптимизм», — подумав, сказал Антон.

— Чего?

— Бывает же черный юмор, вот и оптимизму пора приобрести новые цвета.

— Знаешь, я пытаюсь тебя понять, но иногда ты странные вещи говоришь. На этот случай нужна семья и хорошие друзья. Они сами будут готовы отлить тебе немного кровушки, если тебе нужно будет. Или, по крайней мере, пить ее из тебя не будут.

— Это да, но таких людей очень мало.

— Знаешь, я из тебя кровь точно пить не буду, — я усмехнулся.

— Иначе я б с тобой не пил, — Антон немного успокоился.

— Касательно слова «пить»… Пошли уже внутрь.

— Да, пошли, — сказал Антон и открыл дверь.

Внутри было людно. Осмотрев весь бар, мы нашли только один свободный столик, Антон быстро подошел к нему и положил

на стол свою кофту.

— Теперь занято, — сказал он.

Мы взяли по кружке пива, арахис и сели за столик. Через один стол от нас сидела семейная пара с ребенком. На вид мальчику было года три. Не самое лучшее место для семейных походов, как по мне. Думаю, пацан подсознательно тоже это осознавал. Он постоянно ерзал, хныкал и теребил мать за руку. В общем, всячески мешал расслабляться своим родителям. Но они были людьми стойкими и отважно противостояли натиску маленького тирана, то есть просто его игнорировали. Однако окружающие были не столь выносливы. На лице моего собеседника снова стало проявляться раздражение.

— Что ты делаешь, когда не раздражаешься и не ненавидишь все вокруг? — спросил я.

Антон молча посмотрел мне в глаза, формулируя свою мысль.

— Сплю.

Он залпом выпил треть кружки пива, закинул в рот горсть арахиса и, пережевывая его, угрюмо уставился куда-то справа от меня. Я проследил за его взглядом. Он смотрел на шебутного ребенка. Выглядел он как хищник, который, доедая одну жертву, не наелся и присматривает следующую.

— В твоих глазах огромная любовь к детям, — я попытался отвлечь его. — Сам не планируешь пока?

— Не с кем. Да и не хочу.

— Они-то тебя чем обидели?

— Ничем. На самом деле они милые.

— Не ожидал от тебя таких слов! — я удивился. — В чем подвох?

— Да в том, что если заводить их из-за того, что они милые, это то же самое, что заводить кошку, когда котенка потискать хочешь. Через год он вырастет и будет у тебя не игривый пушистый зверек, а нахальная прожорливая морда, которая все время спит да жрать просит.

— Ребенок не станет такой мордой через год.

— Да, ему на это больше времени надо. Дело в том, что я людей воспринимаю целиком во всем временном отрезке. Глядя на детей, я представляю, какими они будут через десять лет, через двадцать или через сорок. Это просто стадия жизни одного человека, а не отдельное существо. Все уроды, которых я знаю, когда-то тоже были маленькими и милыми.

— Я вот у тебя спросить хотел, почему ты такой пессимист? У тебя что-то случилось в жизни?

— Жизнь случилась.

— Она случилась со всеми. Может, ты слишком глубоко копаешь?

— Может. Но иначе я не могу. К тому же для пессимиста мир полон приятных сюрпризов, а для оптимиста — пустых надежд и разочарований.

— Согласен, что не стоит ждать слишком многого, но, думаю, если ты так легко докапываешься до плохих вещей, может, тебе и хорошего откопать стоит?

— Может. Я был бы рад, если бы нашел такой клад.

Мы чокнулись кружками, сделали по несколько глотков. Я смотрел на людей в баре и представлял себе их в разные годы их жизни. Мысленно переносился в их детство, а потом устремлялся в их будущее. Интересно, подумал я, у всех такие похожие начало и конец жизненного пути, но как сильно различаются эти пути.

У Антона зазвонил телефон, и он вышел поговорить. Я хотел было покопаться в своем, но заряда батареи осталось совсем немного, поэтому я начал глазами искать, за что бы зацепиться, чтоб прекратить информационное голодание. Однако взгляд ничего не привлекло. Пустоту в голове помогли заполнить уши. Я услышал разговор людей, сидящих позади меня. Один жаловался другому на то, что совершенно не знает, чем занять себя, так как из-за ремонтных работ у них дома несколько часов не будет света. Второй искренне сопереживал ему.

Начались рабочие будни. Они были похожи на волшебников. Каким-то магическим образом изначально казалось, что тянутся они вечно, но, оборачиваясь назад, я замечал, что ничего и не было. Как будто все сгорело в яркой вспышке. А еще это были злые волшебники. Казалось, что из-за их магии я стал терять себя. Какие-то проблески меня истинного, мои мысли и ощущения сгорали в той самой вспышке, не успевая появиться на свет. Повседневная суета, рабочие проблемы вновь захватили мой разум. Но и они исчезали из памяти.

Люди проносились мимо, смазываясь в один сплошной поток. Пролетали мимо, как капли дождя, когда несешься в автомобиле во время ливня. Только ни одна капля не попадала на стекло — все летели мимо. От большинства в памяти не оставалось ничего, от некоторых какие-то детали, которых не хватило бы, даже чтоб составить полноценный образ одного человека.

Наши отношения с Кирой на какое-то время наладились, но позднее ее на полгода отправили работать в другой город. Не знаю, значило ли это разрыв или отсрочку. Но никто из нас не подкинул идеи поехать вместе. Скорее всего, подсознательно мы оба этого не хотели.

А потом наступила осень. Оглядываясь назад, я видел те дни, когда беззаботно гулял по улицам города, как сидел в баре с Антоном, как чувствовал себя живым. Казалось, что все это было совсем недавно. Будто прошло две недели. Но и это начало забываться. О своей мечте купить мотоцикл я просто забыл. Это уже не казалось чем-то близким и желанным, а напоминало несбыточную детскую мечту. Я по-прежнему считал прекрасной идею ехать по дороге куда глаза глядят и чувствовать встречный ветер. Но теперь я уже не желал этого, пусть и знал, как это могло быть здорово.

В начале октября у меня снова была неделя отпуска. Мне не слишком хотелось отдыхать, но начальство настояло на том, что отгулять отпуск надо — так положено.

Снег выпал рано. Так вышло, что листья еще не успели передать ему эстафету опадания. Поэтому они падали вместе, белый снег и желтые листья. Однако было не слишком холодно. Снег таял, и то, что оставалось на земле, ничем не отличалось от обычной осени.

В тот день было теплее, снег сменился дождем. Я наблюдал за погодой из окна на кухне и пил кофе, в который до этого добавил коньяк. Просто горячий напиток почему-то уже не мог согреть. На улице было безлюдно. Хотя двор все так же был заставлен автомобилями, должно быть, таких же бездельников, как я.

Несколько дней моего отдыха уже прошло. Не в силах просто сидеть без дела и не имея возможности выйти из дома и погулять, не промокнув при этом, я занимался накопившимися делами, уборкой. Смотрел кино и пил. Пил часто, иначе от безысходности, которая сыпала с неба вместе со снегом, не спасала крыша.

Я думал о том, что, несмотря на всю рутинность моей повседневной жизни, работы и хлопот, они были лучше, чем пустота, которую я испытывал, оставаясь один. Заполняя меня своей никчемностью, они все же были не так болезненны, как пустота. Хотя именно сейчас я понимал, насколько это отвратительно. Что во мне уже нет меня, а есть лишь масса бессмысленных мероприятий.

Над парковкой вдалеке виднелся рекламный плакат известного бренда одежды. Слоган гласил: «Осень не в тренде! А ты — да! Цвет сезона — фиолетовый!». Ниже фото людей в брендовом фиолетовом шмотье.

Я уселся в кресло и, потягивая уже второй кофейно-коньячный коктейль, уткнулся в свой телефон. Почитал новости, стал смотреть, чего нового у знакомых. Среди массы фотографий мой взгляд упал на новое фото Вовы. Мистер-гаджет хвастался

перекрашенной в фиолетовый цвет рукой. Он был по пояс без одежды, хотя остальное просто скрывалось за границей картинки. Хренов модник, подумал я, теперь он модный, даже когда голый.

Был полдень. Мысли о бесцельном пребывании дома до конца дня вгоняли в тоску. Роясь в телефоне, я наткнулся на переписку с Антоном. Я вспомнил, что мы не общались уже с прошлого моего отпуска, то есть уже три с лишним месяца. Какое-то время я сомневался, стоит ли писать. Мы не так хорошо были знакомы. А потом подумал, что Антон рассказал мне о себе настоящем куда больше, чем многие люди, которых я знаю по несколько лет. Без лишних вступлений я написал:

— Привет. Не хочешь сегодня выпить?

К моему удивлению ответ пришел почти сразу:

— Прив. Можно. Ты когда свободен?

— Уже.

— Тогда пошли.

— Буду через 30 мин.

— Ок.

Настроение резко улучшилось. Кажется, его примеру последовала и погода. Я начал собираться. Когда я вышел на улицу, дождь поутих и поставил меня в то самое дурацкое положение, когда ты не знаешь, открыть зонт или не пользоваться им. Положение стало еще более глупым, когда я понял, что забыл зонт дома. Знак судьбы, подумал я и надел капюшон. Шагая по улице, я увидел девушку, которая выгуливала собаку. Хотя вернее было бы сказать, вышла погулять с собакой, так как пес носился рядом без поводка. Хозяйка животного стояла под фиолетовым зонтом и пустым взглядом таращилась в свой телефон, проводя по дисплею пальцем. Пес весело кружился на месте, пытаясь догнать свой хвост. Увлекшись, он отбежал от хозяйки метров на десять. На ошейнике замигала лампочка, и раздался негромкий высокий звук — предупреждение, что если отбежать дальше, можно получить разряд тока. Пес прекратил крутиться и побежал в сторону хозяйки. Постояв с ней рядом пару мгновений, он продолжил веселиться. Девушка не обращала на него внимания и так же таращилась в телефон. На ней была фиолетовая куртка.

Пройдя дальше, я наткнулся на огромную лужу на дороге и решил обойти ее. На обочине было грязно, и я шел, внимательно смотря под ноги. На земле было множество следов других прохожих, так же побоявшихся намочить ноги. Среди них были следы с рекламой компании, которая устанавливала и настраивала домашнюю технику, чтобы она работала как одна сеть. Просто след, на котором написан сайт компании и короткий

слоган: «Умный дом уже завтра». Ох уж эти рекламщики, подумал я, если бы не штрафы за вандализм, они бы начали в такой обуви по стенам бегать.

Остаток пути до бара я размышлял, что компаниям, которые суют свою рекламу даже на подошвы, было бы выгодно нанимать курьерами людей с большими ногами. Когда я пришел в бар, Антона еще не было. Я заказал себе литровый кувшин пива и чипсы, уселся за стол и начал потягивать пиво, листая новости в телефоне. Я заметил, что в баре заменили кружки. На новой на дно была приделана небольшая подставка, выступающая на сантиметр с каждой стороны. Выступающая часть имела небольшой дисплей, который был слегка наклонен таким образом, чтобы глаза сидящего за столом человека четко видели мельтешащую на нем рекламу. Это слегка раздражало. Ну не моют же их вместе с дисплеями, подумал я. Немного изучив кружку, я смог отвернуть дисплей. Но появилась другая проблема: кружка потеряла устойчивость. Внизу она оказалась странной формы и просто не могла стоять на столе. Пришлось привинтить дисплей обратно.

— Привет, — Антон плюхнулся на стул напротив.

— Здорово, — я протянул ему руку.

— Пришлось на работу утром заехать, вот и задержался.

— Хорошая работа, — я усмехнулся.

— Ага, — он откинулся на спинку. — У меня выходной сегодня.

— Тогда не очень.

— Меня поражает одна вещь: мы космос изучаем, сидя на Земле, названия звездам даем, которые так далеко, что даже представить трудно. А на работу ездить должны. Че за херня?!

— Наверно, тебе стоит поискать работу на другой планете.

— Я б с радостью. Давно хочу свалить отсюда. А ты че столько пива набрал?

— Охота выпить, да и не бегать туда-сюда.

— Может, че покрепче выпьем?

— Может. Что предлагаешь?

— Давай бутылку чего-нибудь возьмем. Виски или ром. Я угощаю, — Антон был в хорошем настроении. По крайней мере лучше, чем обычно.

— Ты напиться решил?

— Ты против?

— Я за.

— Давай тогда виски возьму схожу.

— Давай, возьми еще кружку, поможешь мне с пивом.

Антон встал и направился к барной стойке. И через минуту

вернулся с заказом. Я налил в его кружку пива и поставил тарелку с чипсами на середину стола.

— Какой-то ты сегодня веселый.

— Это плохо?

— Просто ты обычно все вокруг ненавидишь, а сегодня, похоже, нет.

— Так иногда бывает: проснешься, вроде все вокруг то же самое, а тебе оно иным немного кажется, — он призадумался. — Лучше, чем обычно. И ты другой в такие дни. Будто очистился от чего-то.

— Сегодня как раз такой день?

— Отчасти.

Я вопросительно посмотрел на него. Антон продолжил:

— Дело в том, что я решил кое-что поменять в своей жизни.

— И что же?

— Многое. Для начала я решил уволиться.

— Нашел другую работу?

— Нет, просто я не чувствую, что работаю. Все, что я делал там, — пустая суета. Я не создаю материальных благ, я не делаю вклада в науку или искусство. От моего труда мир не становится лучше, — он жадно сделал глоток пива. — Я лишь маленький болтик в огромной машине. Даже не шестеренка. Если меня убрать, эта машина и дальше продолжит тарахтеть и кувыркаться на месте, никуда не двигаясь, будет дальше впустую прожигать ресурсы.

— А ты хочешь что-то для мира сделать?

— Да. Это, конечно, в идеале. Но я пришел к следующей мысли, — он взял горсть чипсов, запил их пивом и, толком не разжевав, проглотил. — Все мы потребители. Ни хера не производим, а только потребляем. Работая на бестолковой работе, мы потребляем только больше. Больше бензина, электричества, бумаги, канцтоваров. Для нас нужна техника, здания. И все это ни для чего. Просто так сгорает. Я сделаю мир лучше, просто перестав так расходовать.

— Сейчас еще есть предприятия, которые делают машины, строят дома.

— А что толку? Этого и так уже навалом! Всем бы хватило, если так раздать. Думаю, скоро наступит время, когда для нас будет все: машины, одежда, дома, компьютеры, но нам будет тупо нечего жрать.

Мой собеседник поднял кружку, чтобы чокнуться, но сделать этого толком не получилось, так как торчащие снизу дисплеи слегка мешали.

— Че это за херня? — удивленно спросил Антон, будто

впервые видя дисплей.

— Очередное чудо техники.

— Оно отстегивается?

— Да, но без него кружка падает.

— Ничего, справимся, — сказал он, отвинчивая рекламный блок.

Сняв его, он небрежно бросил блок к солонке с перечницей, звонко ударил своей кружкой по моей, залпом допил пиво и положил кружку на стол боком. Я осилил только половину.

— А жить на что будешь?

— Есть на что. Я долгое время откладывал деньги, кое-что продал, отказался от некоторых вещей и услуг, за которые приходилось регулярно платить. Продал свою машину, все равно по этим пробкам уже невозможно передвигаться.

— Скажи еще, что будешь теперь на велосипеде ездить.

— Именно! Зимой, конечно, не выйдет, но когда потеплеет, можно. Я уже купил велик и шлем с фильтром для воздуха. Когда работы нет, можно ездить не торопясь. Да и ездить особо никуда не надо.

— А что потом? Со временем деньги кончатся.

— Конечно. По моим расчетам, мне должно на год хватить. Если сильно ужаться, то больше. За это время смогу подумать обо всем, разобраться в себе. Тогда и решу, что дальше делать.

— Я бы за год отсидки дома со скуки сдох.

— А я и не буду сидеть! В увеселительную программу уже включено несколько путешествий. Вернусь из одного, осмыслю, поживу немного, поеду в другое.

— Гляжу, ты хорошо откладывал, — я допил пиво и налил в стопки виски.

— Не то чтобы… — Антон грустно улыбнулся, — машина была хорошая. Я ее любил.

— Давай выпьем за твою машину, — я поднял рюмку. — Пусть радует нового хозяина.

Мы выпили. Погода стала налаживаться. Антон какое-то время смотрел в окно. В этот раз он не сверлил взглядом одну точку. Его глаза бегали.

— Пошли отсюда.

— Куда?

— Куда-нибудь. Мне надоело в баре торчать.

— Мы ж только начали.

— А продолжим в другом месте.

— Сам знаешь, что бывает за распитие в общественных местах.

— Здесь недалеко есть недостроенное здание, стройка

заморожена, сторожа нет. Пошли туда.

— А там открыто?

— Вывески «Добро пожаловать нет», но в заборе есть большая дыра, а это — почти то же самое.

Сначала мне не слишком хотелось, но потом я представил, как опять бесцельно провожу вечер дома.

— Ладно, погнали.

Антон засунул бутылку в карман своей куртки. Я удивился, как она поместилась там. Мы вышли на улицу и направились в сторону заброшенного здания. Шли мы молча. Сначала Антон просто молчал, а мне не приходило на ум, о чем поговорить. Потом ему позвонили, и почти всю дорогу он решал какие-то рабочие вопросы. По-видимому, передавал свои дела другому сотруднику. В детали я не вслушивался и просто провалился в свои мысли. Я думал о своих чувствах. Мне было слегка страшно от того, что мы полезем на это здание. Я знал, что лазить по стройкам незаконно. Но компания-застройщик разорилась. Бояться было некого. Почему же я боялся? Наверно, я привык. Просто привык к тому, что мне нельзя. Пускай уже и беспричинно. Поразмыслив обо всем логически, я набрался смелости.

Идти было недалеко. Здание было высотой в шестнадцать этажей. Не знаю, сколько их должно было быть, но так уж случилось, что шестнадцатый этаж стал крышей этого дома. Дом стоял на окраине, прохожих не было. Строение выглядело отталкивающе. Думаю, не столько из-за серых стен, которые не успели покрасить в какой-либо цвет, сколько из-за пустых черных окон.

Дыра в заборе и правда была большой. Не хватало большого куска ограждения. Двери в единственный подъезд тоже не было, как и перил на лестнице. Зато сама лестница была щедро завалена различным строительным мусором, местами валялись пустые бутылки.

— Часто здесь бываешь? — спросил я, переводя дыхание в районе восьмого этажа.

— Второй раз. Недавно захотелось покурить где-нибудь в красивом месте, а этот дом на глаза попался.

— Не думал, что курение — это так сложно.

— Курение в данном случае не основной элемент. Приятно не просто стоять и смотреть свысока, а еще и делать хоть что-то. Иначе наскучит быстро.

Вскоре мы поднялись наверх. Вид с шестнадцатого этажа стоил усилий, затраченных на подъем туда. Дом стоял на краю города, дальше него зданий не было. Открывался отличный вид

на лес и поля до самого горизонта. Я и забыл, что где-то может быть такой простор. Небо заполнили облака, плывущие куда-то вдаль. Перейдя на другую сторону, я увидел город. Все ближайшие дома были старыми, в основном по девять этажей. Стояли они плотно, их дворов и суеты, происходившей в них, не было видно. Только высокие стены и крыши людских муравейников. Они напоминали книжные шкафы в библиотеке, которую я видел в старом кино. Они также стояли друг за другом. А их квартиры были словно книги на полках. Они хранили массу историй. Таких похожих и таких разных. Весь город был похож на библиотеку. Только книг было больше, а их хранилища не были расставлены так аккуратно.

Этаж только начали строить. Стены не были возведены до конца. С одной стороны этажа их и вовсе почти не было, из-за чего подходить к краю мне не хотелось.

— Пойдем, — сказал Антон. — Здесь есть хорошее место.

Я последовал за ним. Мы пришли к самодельной скамье. Две стопки кирпичей и две доски на них, простая конструкция.

— Неплохая альтернатива бару, — заметил я.

— Конечно! Вид отличный и нет никого.

— Думаю, справа можно барную стойку разместить, — пошутил я.

— В нашем баре будет небольшая проблема — он не запирается на ночь, — улыбнулся Антон.

Он достал из кармана первый в нашем баре алкоголь и приложился к бутылке. Потом протянул бутылку мне. Я сел на скамью, которая оказалась вполне устойчивой, и тоже отпил.

— Знаешь, давно я такого простора не видел.

— Я, когда сюда залез, тоже обалдел.

Рассказ Антона о грядущих переменах в жизни заинтересовал меня. Не думаю, что сам я бы решился на что-то подобное. Все это казалось каким-то нереальным, далеким. По крайней мере от меня.

— А чем еще планируешь заняться, когда освободишься?

Он задумался, улыбнулся и ответил:

— Нравится мне слово «освободишься». Как будто кандалы сбрасываю, — он достал сигарету и закурил. — Наконец-то почитаю, а то уже накопился перечень книг, которые прочесть охота, но всегда что-то отвлекает. Может, здоровьем займусь. Девушку найду. Устал уже один.

— Безработный романтик. Не многие клюнут.

— А мне многие и не нужны. Хотя… может, этот год лучше будет одному провести.

— Для твоих целей, возможно, да.

— А почему мы всегда обо мне говорим?

— Не знаю. Я вроде тоже не молчу.

— Да, но о себе не говоришь почти ничего.

— Ты о себе тоже мало рассказывал.

— Тем не менее.

Какое-то время мы провели молча. Просто сидели рядом на лавке, пили. Каждый думал о своем. Сидели не как друзья. Мы просто не мешали друг другу.

— И все же, зачем ты все это делаешь? Ты не боишься, что не сможешь вернуться?

— А куда возвращаться-то? Все, что есть — ничто. А значит, и возвращаться некуда. А делаю это знаешь для чего? Я банально хочу найти себя. Ты мне так и не рассказал ничего о себе. Кто ты?

— В смысле?

— Скажи что-то о себе.

— Я человек.

— Фигня! Это ничто! Скажи то, что другие не могут увидеть за две секунды.

Я растерялся. Казалось, так много можно сказать о себе, а одновременно с этим — нечего.

— Возраст, пол, работу и имя можешь не называть. Достань что-то изнутри себя.

— Я люблю кофе.

— И я люблю. И что? Давай еще.

— Я никогда не был в библиотеке.

— Нашел кого удивить в наше время. Фигня, рой глубже!

— Я люблю смотреть на облака на закате.

— Часто это делаешь?

— Всегда, когда возможность есть.

— Это уже что-то, — довольно сказал Антон.

Я как-то напрягся от этого допроса и наконец-то смог выдохнуть с облегчением. Антон тем временем подошел к краю здания, подвинул ногой туда же небольшой камень и пнул его. Пронаблюдав его полет, он повернулся ко мне.

— Мы не закончили.

Я удивленно посмотрел на него.

— Ты мало сказал. Валяй еще.

— Я мечтаю купить мотоцикл.

— А вот это уже интересно. Хоть что-то. Давно мечтаешь?

— Мысль в голову пришла полгода назад. Но у меня пока прав нет.

— Проблема в том, что ты говоришь «мечтаю». Какого хрена ты до сих пор мечтаешь, а не сделал ничего?

— Обстоятельства сложились так.

— Пойми, нет никаких обстоятельств! Часть из проблем можно решить, а на часть и вовсе плюнуть. Вот скажи, ты бы стал счастлив, если бы мечта исполнилась?

— Думаю, да, — я вспомнил, как мечтал о поездках и встречном ветре.

— Тебе повезло, ты знаешь, что тебе нужно. Может, это и не изменит всю твою жизнь, но лучше ее точно сделает. Я пока не знаю, многие не знают. А тебе — только руку протянуть.

Антон уселся рядом со мной и закурил. Сделав пару затяжек молча, он сказал:

— Ты уже знаешь, какой первый шаг сделать, чтобы стать собой настоящим. Ты знаешь, какой ты настоящий?

— Думаю, нет.

— Все потому что ты настоящий ушел куда-то в темный лес. Знаешь, как там деревья называются?

Я промолчал.

— Они называются потребности, проблемы, барахло. Есть еще там очень толстое и старое дерево. Сраная бытовуха называется! И ты в этом лесу заблудился. Мы все там заблудились! И почти все в нем сдохнут! Сдохнут пустыми оболочками от самих себя!

Он сделал несколько глотков.

— Не хочу так. Не хочу быть пустым.

— Я думаю, ты найдешь решение во время своего путешествия.

— Я очень на это надеюсь. Иначе зачем мне все это?

Антон уже не был так весел, как когда мы пришли.

— Ты боишься?

— Да. Но не того, что потом не смогу вернуться. Я боюсь, что не смогу найти что-то за это время. Боюсь, что если не найду за этот год, то не найду уже никогда.

Мне снилось, что я стою в магазине и хочу купить виски. Заходя в отдел с алкоголем, я вижу ровные ряды коробок. Все они красивые, пестрые. Но беря в руки одну, я чувствую, что она пустая. В ней нет бутылки. Я беру другую, но она тоже пустая. Так повторяется много раз. В итоге я сержусь, иду в другой отдел, чтобы купить молока. Но там та же ситуация — все упаковки пусты. Я хочу купить конфет, но там только полые фантики. Все это повергает меня в ярость! Я хочу есть! Где что-то настоящее? Продавцов нет, покупателей тоже. Я один на весь магазин. Я хожу между рядами, но вокруг одни пустышки. В гневе я хватаю тележку, которая внезапно оказалась передо мной, и со всей силы швыряю ее в большой стеллаж с товарами. Они начинают падать. Но шума нет. Только шелест картона. Я толкаю другой стеллаж,

но он тоже падает почти бесшумно. Слышно, как мнутся пустые коробки. Останавливаюсь отдышаться и чувствую, что с каждым выдохом становлюсь легче и невесомее. Странное чувство. Задерживаю дыхание. Какое-то время стою так, ничто не меняется. Но потом все же срываюсь и снова начинаю дышать. Мое тело становится совсем невесомым. Я медленно взлетаю над полом и упираюсь в потолок. Трясу руками и ногами, но не могу сдвинуться с места. Мне очень хочется улететь из магазина, в окно я вижу дерево и солнечный свет. Но сдвинуться нельзя. Я болтаюсь под потолком, а подо мной только беспорядок и пустые коробки.

Зазвенел будильник. Отпуск кончился. За окном темнота и сырость. Процесс начался вновь.

Антона я больше не видел. Он просто исчез. Пропал из списка контактов. Я пытался найти его, но не смог. Будто и не было.

А моя черно-белая жизнь, как рябь древнего телевизора, мельтешила невнятными событиями. Все снова ускорилось. Будто на космическом корабле кто-то включил гипердвигатель, а звезды вокруг смазались в белое месиво. Я работал, приходил домой, когда было уже темно. Приходил измотанным, но пытаясь понять, что меня так вымотало, я не мог дать толкового объяснения. Вечера проводил за просмотром фильмов и видеоиграми, стараясь выпрыгнуть из своего мира в чей-то другой, более интересный и разнообразный. В выходные занимался тем же. Будто ждал чего-то.

Чувство ожидания чего-то было одним из немногих, которые остались внутри. Ждал я чего-то в моем будущем. Чего-то хорошего. Вот только раскинув мозгами, я понимал, что ничего хорошего там не было. Как и плохого.

А потом пришла зима. Сначала она закрыла снегом всю осеннюю грязь, а потом, будто издеваясь, залила его новой грязью сверху. Но было все равно. Погода мало что меняла в жизни. Разве что ходить на работу стало тяжелее из-за снега и толстого слоя одежды. Но ко всему привыкаешь.

Декабрь пролетел, как и все остальное, — быстро, не оставив в памяти ничего.

Близились новогодние праздники. Я уже давно перестал понимать, зачем праздновать смену цифр на календаре. В этом году я даже праздновать не собирался. Чтобы у знакомых не было вопросов, я сказал, что решил праздновать с родителями. А последним — что со знакомыми. Не хотелось объяснять всем вокруг, почему я буду один. Конечно, из-за этого слегка щемило сердце, но человека, с кем я хотел бы его встретить, рядом

не было.

Наступило тридцать первое декабря. Утром, стоя у окна и, как обычно, потягивая кофе, я думал, как провести этот день и предстоящие праздники. Хоть я и не собирался праздновать, сделать себе приятное и как-то поднять настроение все же хотелось. Наведя в доме порядок, я подобрал несколько фильмов, сделал заказ пиццы на вечер. После пошел в магазин купить чего-нибудь выпить. Несмотря на то, что был выходной, люди носились по улицам, готовились к празднику. Все казались добрее, чем обычно. В магазине, куда я пришел, было чисто, все сверкало гирляндами, а персонал был на редкость приветлив. Походив по отделу с продукцией, я выбрал себе бутылку дорогого ликера — надо ж сделать себе подарок. После купил еще пару бутылок пива и готовой еды. Самому готовить ничего не хотелось.

Потом немного побродил по улицам, не зная, на что потратить время. Ходил, пока не замерз. Вернувшись домой, открыл пиво, достал купленный в магазине гамбургер и уселся смотреть фильм. После коротал время за играми.

Часы показывали одиннадцать. До начала нового года остался час. Час до того же самого, что и всегда. Я включил какой-то канал и уселся есть пиццу. Закончил я быстро. Вопрос о дальнейших действиях вновь стал актуальным. Дома было тоскливо. С каждой минутой сидеть там становилось все тяжелее. Я начал перебирать варианты, точнее, пытался придумать хоть один. Мне вспомнился тот заброшенный дом, на который я лазил с Антоном. Наверняка там холодно, он завален снегом. Но я отказался от этих мыслей и стал собираться туда. Надел самую теплую одежду. Тащить целую бутылку ликера не хотелось. Покопавшись в ящиках, я нашел флягу, которую мне когда-то подарил знакомый на День рождения. Наконец-то она пригодилась. Я налил в нее напиток. Еще взял старый плед, который годами валялся в шкафу. Решил, что если сложить его в несколько раз, на нем можно будет сидеть какое-то время.

Когда я вышел на улицу, валил снег. Такой, каким он и должен быть в новогоднюю ночь: крупный и мягкий. Ветра не было, поэтому можно было даже разглядывать большие хлопья, которые неспешно опускались на землю. До смены годов оставалось пятнадцать минут.

Я подошел к недостроенному дому, он был едва заметен. Сам он был темный, за ним тоже лишь темнота, да еще и снегопад. Как будто призрак другого города. Я зашел в подъезд, включил фонарь на телефоне и зашагал вверх по ступеням. Когда я поднялся наверх, то пожалел, что так тепло оделся. С другой стороны, теперь я точно должен был долго не мерзнуть.

Снега там было мало, наверно, его сдувало ветром. С той стороны дома, где кончался город, ничего не было видно: только снег и тьма. С другой можно было разглядеть ближайшие дома, свет их окон. Те, что стояли подальше, были лишь силуэтами. За ними была только снежная пелена, окрашенная в оранжевый цвет из-за городского освещения. Смотреть на город было куда приятнее, поэтому я перетащил импровизированную скамью из доски и кирпичей на ту сторону города, постелил на нее плед и уселся. Посидев так минуту, глядя на размытое оранжевое пятно города, я начал праздновать — достал фляжку с ликером.

Когда я сделал первый глоток, небо в одном месте поменяло цвет. Появился фиолетовый шар вдалеке. Люди стали запускать фейерверки, празднуя такое незаметное, но важное для них событие. Раздался хлопок. После появился зеленый шар. Из-за сильного снегопада я не видел отдельно летящие искры. Небо стало напоминать букет каких-то незамысловатых цветов. Все больше и больше их появлялось на мутном горизонте. Люди беззаботно запускали свои деньги в небо. Им это нравилось. Да и мне тоже.

Мне стало одиноко. Я был один. Но нельзя было поддаваться грусти в праздник. Я убавил ее ликером, а потом вставил в уши наушники и включил любимые песни, сведя печаль на нет. Сначала я просто плавал в каких-то мыслях о своей жизни, что-то вспоминал, представлял свое будущее. Но с каждым глотком мысли уходили все дальше, исчезая за стеной снега. Остались только я, музыка и разноцветные шары на небе. Я сидел неподвижно, просто слушал и смотрел. Не знаю, сколько прошло времени, но когда я наконец немного пошевелился, с моего капюшона упал небольшой сугроб. Тело уже затекло. Я выпил еще ликера, собрался и пошел вниз.

Когда я спустился, домой еще не хотелось. Поэтому я просто шатался дворами, которые были людны как никогда. Всем было весело, люди были дружелюбны. Я пропитался этим. А может, просто уже был пьян. В любом случае хотелось, чтобы так было всегда. Но мир не обманешь, это он сегодня обманул всех. Скоро все станет как прежде.

Когда я пришел домой, то разогрел еще пиццы и налил себе ликера. Я был уже достаточно пьян, но хотелось влить в себя еще чего-то насыщенного и яркого, врубить контрастность этого дня на всю катушку. А после я прилег на диван и уснул.

Мне снилось, что я стою на траве. Недалеко впереди старое невысокое дерево качает ветвями на ветру. Вечер, дует свежий ветер. На небе облака. Вдалеке над лесом сквозь них солнце выпускает наружу свои последние желто-оранжевые лучи. Трава

вокруг меня колышется. Она такая мягкая и чистая. Я вижу под деревом человека, который улыбается и машет мне рукой, а после идет к бревенчатой избе, стоящей чуть левее.

Мне очень легко и спокойно на душе. Нет суеты и волнения. Просто спокойствие. От такого состояния я даже чувствую радость. Я иду к дому. Трава под ногами такая мягкая, она слегка шелестит на ветру. Когда я подхожу, человек, кажущийся мне очень родным, берет в руки глиняный кувшин, который стоял на деревянной скамье у дома, и наливает в две таких же глиняных кружки молоко. Одну из них дает мне, вторую берет сам и начинает пить, смотря куда-то вдаль. Я тоже начинаю пить. Молоко еще теплое, наверное, парное. Оно безумно вкусное. Я такого молока не пил никогда раньше. Я просто стою, смотрю на старое дерево, на лес вдалеке и на желтый закат над ним. Я просто стою и пью самое вкусное на свете молоко.